

ДЕТИ ТЕНЕЙ 2

ДАЖЕ ЗЕРКАЛА ЛГУТ

АНТОНИЯ АЙРИС

Антония Айрис

Дети Теней 2. Даже зеркала лгут

«Автор»

2026

Айрис А.

Дети Теней 2. Даже зеркала лгут / А. Айрис — «Автор», 2026

Добро пожаловать на следующий уровень Лонглайна. В город, где идеальная картинка в сети стоит дороже жизни, а анонимная ненависть в «Теневых Гранях» стала главным топливом для элиты. Твоя маска больше не просто прирастает к лицу. Она начинает диктовать правила. Ты можешь выбрать удобный невидимый поводок: пить горячий шоколад с чудовищами в дорогих костюмах, верить красивой лжи и делать вид, что гнилое изнутри яблоко слаще настоящего. Или ты можешь спуститься в подвал. Туда, где чинят стены своими руками, где не боятся называть монстров по именам, и где настоящая дружба оказывается прочнее любого щита. Когда дневники основателей всплывут, а Река Забвения выйдет из берегов, тебе придется сделать выбор. Даже зеркала лгут. Особенно те, в которых отражается твой успех. Твой цифровой след уже проанализирован. Готов ли ты встретиться со своей Тенью во второй раз?

© Айрис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I: ТЕОРЕМА БЕЗУПРЕЧНОЙ ЛЮБВИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Антония Айрис

Дети Теней 2. Даже зеркала лгут

ЧАСТЬ I: ТЕОРЕМА БЕЗУПРЕЧНОЙ ЛЮБВИ

ПРОЛОГ. ИГРА В ОТРАЖЕНИЯ

Сон. Но это не ощущается как сон. Это слишком реально. Запах прелых листьев, сырой земли и чего-то сладкого, как сгнившее яблоко.

Осень. Золотая, невозможная, кинематографичная осень. Такую показывают только в фильмах категории «А» или в платных снах премиум-класса. Листья падают медленно, кружась в вальсе, закрывая небо янтарным куполом.

Саша бежит. Ему пять лет. Или шесть. Мир вокруг огромный, деревья — великаны, а воздух такой вкусный, что его хочется пить. Он смеется. Этот смех звенит в ушах — чистый, залиvistый, без примеси сарказма, который станет его броней через десять лет.

Впереди, метрах в десяти, бежит мальчик. Саша видит его спину. Такую же курточку с нашивкой ракеты. Те же рыжие вихры, выбивающиеся из-под шапки. — Догоняй! — кричит мальчик. Голос — Сашин. Но не совсем. Он звонче. Счастливее.

Саша прибавляет ходу. Ботинки вязнут в листве. Ему весело, но где-то под ребрами, в самой глубине маленького тела, начинает пульсировать холод. Иголлка страха. «Не отпускай его. Если он убежит — ты исчезнешь».

— Стой! — кричит Саша. — Я догнал! Ты водишь!

Он выбрасывает руку вперед, хватая мальчика за плечо. Ткань курточки жесткая, холодная. Рывок. Мальчик останавливается. Медленно, неестественно плавно, как кукла на шарнирах, он поворачивается.

Саша улыбается, готовый крикнуть: «Попался!», но слова застревают в горле комом сухой листвы.

У мальчика нет лица. Там, где должны быть глаза, нос, веснушки, улыбка — там ничего. Гладкая, бледная кожа. Как пустой холст. Как маска без прорезей.

— Ты кто? — шепчет Саша.

«Безликий» не отвечает. Кожа на том месте, где должен быть рот, начинает рваться. С отвратительным влажным звуком, как рвется переспелый фрукт. Трещина идет вертикально. Шире. Еще шире. Внутри нет зубов. Нет языка. Только тьма. И сотни крошечных, шевелящихся теней.

Мальчик растет. Его плечи раздуваются, куртка лопается, превращаясь в черный дым. Он нависает над Сашей, закрывая собой золотое небо. Это больше не брат. Это Бездна.

— Я — это ты, — гудит голос, идущий из живота чудовища. — Только настоящий.

Тьма делает выпад. Саша кричит, но звука нет.

РОЗОВЫЙ ШТОРМ И ОВСЯНКА

Апрель. Нижний Город. Квартира Новаков.

Саша вынырнул из сна, как водолаз, у которого закончился кислород. Резко сел на кровати. Сердце колотилось так, что футболка на груди вибрировала. Вдох. Выдох. Осень исчезла. За окном, сквозь пыльное стекло, нагло и бесцеремонно врывается апрель.

Солнце заливало комнату, высвечивая каждую пылинку, танцующую в воздухе. На подоконнике умирал кактус (Саша забывал поливать его третий месяц, считая, что растение должно закалять характер), а на стуле горой возвышалась «инсталляция» из джинсов, учебников и носков.

Саша потер лицо ладонями. Пальцы дрожали. — Просто сон, — прошептал он своему отражению в темном экране телефона. — Просто тупой сон. Никаких близких братьев. У тебя и с одним лицом проблем хватает.

Он встал, чувствуя, как липкий холод кошмара отступает под натиском реальности. На улице было чудо. Саша подошел к окну. С третьего этажа Нижнего Города вид был так себе: серые стены соседнего муравейника, белье на веревках, дрон-доставщик, запутавшийся в проводах. Но если прижаться лбом к стеклу и скосить глаза максимально вверх, можно было увидеть Их.

Верхние Сады. Там, на холмах, где жили люди с рейтингом V1 и выше, сейчас бушевал «Розовый Шторм». Сакура. Огромные, пушистые облака розовых цветов. Говорили, что если стоять там, под деревьями, лепестки падают так густо, что кажется, будто идет розовый снег.

— «Легенда гласит, — вспомнил Саша голос учителя литературы, — что сакура розовая, потому что впитывает любовь тех, кто не смог быть вместе. Каждое дерево — это чья-то история». «Ага, — подумал Саша. — Или это просто генетически модифицированный тополь, чтобы элите было где пилить селфи». Но, черт возьми, как же ему хотелось туда. Хотя бы на пять минут. Вдохнуть этот запах, а не вечный аромат жареной рыбы и выхлопных газов.

Дверь в комнату распахнулась с таким грохотом, будто к нему врвался спецназ по борьбе с депрессией. Но это было страшнее спецназа. Это была Бабушка.

ФЕЯ ДОМАШНЕГО ОЧАГА

Дверь распахнулась не от пинка, а от уверенного, хозяйского толчка бедром. В комнату вплыла не просто бабушка. В комнату вплыл Бренд.

Роза Марковна Новак. В социальной сети «V-Life»: @Rose_Wisdom. Текущий статус: Яркая (V1). Рейтинг: 2915 баллов.

Саша прищурился. Её браслет-индикатор на запястье пульсировал ровным, насыщенным золотым светом. Это было дико. В их районе, где средний балл колебался в районе 1500 (честные трудяги, V2- V4), такое свечение было всё равно что припарковать лимузин посреди помойки.

— Александр! — её голос был бодрым, как марш, но теплым, как сдоба. — Почему шторы закрыты? Люмосит не заряжается в темноте! Ты хочешь скатиться в Тени? У тебя и так лицо такое, будто ты всю ночь продавал доллары в подворотне, а не спал!

Она поставила на стол штатив, ловко поправила идеально уложенные седые локоны и нажала «Запись».

— Доброе утро, мои золотые! — её тон мгновенно переключился на режим «Уют 3000». — Сегодня у нас рубрика «Спасаем подростка». Посмотрите на эту комнату. Хаос! А что я вам говорила? Хаос в комнате — это коррозия в ауре.

Она повернулась к Саше, который пытался натянуть футболку, не попадая в рукава. — Саша, улыбнись подписчикам. Ты же не хочешь, чтобы у нас упал охват?

— Ба, ты теперь V1, — пробурчал Саша, щурясь от кольцевой лампы. — Тебе можно вообще не стараться. Ты элита. Тебе положено пить шампанское на завтрак, а не воспитывать внука.

Роза Марковна выключила запись и посмотрела на него поверх очков. Взгляд стал серьезным.

— Элита, — фыркнула она, поправляя фартук. — Элита — это те, кто продал душу за камни. А я продаю уют. И поверь мне, в этом холодном городе он стоит дороже золота. Твоя мама пришла со смены чернее тучи. Рейтинг — 1850. Упал на три пункта. Кто-то из пациентов умер, и Система решила, что она «недостаточно позитивно» к этому отнеслась.

Саша сжал кулаки. — Уроды. — Не выражайся, понизишь вибрации, — строго, но без злости оборвала бабушка. — Лучше заправь кровать. И не как попало, а правильно.

[УРОК ОТ РОЗЫ МАРКОВНЫ] — Смотри и запоминай, горе мое рыжее. Люди думают, что заправлять постель — это скука. Нет! Это ритуал. Ты разглаживаешь простыню — ты разглаживаешь свои мысли на день. Она ловко, одним движением стряхнула одеяло, взбила подушку так, что та стала похожа на облако, и за минуту создала идеальный порядок. — Уголки под 45 градусов. Знаешь зачем? Дисциплина формы дает свободу содержанию. Когда ты видишь ровную поверхность, твой мозг успокаивается. Ты перестаешь быть жертвой хаоса и становишься Хозяином Пространства. Понял?

— Понял, Хозяйка Пространства, — хмыкнул Саша, но кровать действительно выглядела так, что на неё хотелось лечь и умереть от счастья.

Роза Марковна довольно кивнула. — Иди завтракать. Я сделала сырники. И достала «Тот Самый» джем. — С лавандой? — оживился Саша. — С любовью, дурень. Лаванда — это для запаха.

На кухне пахло ванилью так сильно, что казалось, будто ты внутри кондитерской. Квартира у них была хорошая по меркам Нижнего Города — «двушка». Бабушка с мамой в одной комнате, гостиная, Саша жил в своей (бывшей кладовке, которую гордо называли «кабинетом»). Но этот уют давался дорогой ценой. И Саша, как настоящий мужчина, ценил женщин, которые это создавали.

ЗАКОН ПРИТЯЖЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

На кухне творилась магия, запрещенная законами физики и диетологии. Роза Марковна стояла посреди облака муки, как генерал на поле боя. Её браслет V1 на запястье пульсировал тревожным фиолетовым светом — система предупреждала о «нарушении социальной гигиены». Ещё бы: V1 готовит завтрак для V2 в районе, где средний рейтинг едва дотягивает до уровня городской канализации.

Она смахнула уведомление небрежным жестом, как назойливую муху. — Система пищит: «Ваше окружение токсично, рекомендуем покинуть зону». Ха! — она подмигнула телефону, который вел прямой эфир. — Мои золотые, запомните: токсично — это когда вы едите пластиковые яблоки в Верхнем Городе и улыбаетесь людям, которых ненавидите. А здесь пахнет ванилью и правдой!

Саша плюхнулся на стул, стараясь не попасть в кадр. — Ба, ты опять дразнишь алгоритмы? Тебя забанят. — Меня нельзя забанить, я — национальное достояние, — отрезала Роза Марковна, ловко переворачивая на сковороде идеально ровные, золотистые кругляши. — И вообще, я учу людей жить, а не существовать.

Она повернулась к камере: — Девочки, записываем лайфхак! Вы спрашивали, почему ваши сырники разваливаются, как ваши планы на жизнь в понедельник утром? Потому что вы берете влажный творог! Творог должен быть сухим, как юмор моего внука! И главное — не лепите руками. Она взяла обычный стакан, накрыла им комок теста на припыленной мукой доске и начала быстро вращать стакан, не отрывая от стола. Через секунду бесформенный ком превратился в идеальную, высокую, ровную шайбу. — Видите? Центробежная сила и никакой магии. Стакан формирует края, сырник получается пышным и не растекается. Пользуйтесь, пока я добрая!

Она завершила эфир и тут же бухнула тарелку перед Сашей. Сырники были божественны. С хрустящей корочкой, но нежные внутри, они плавали в том самом джем-соусе.

— Ешь, — скомандовала она. — Тебе нужны силы.

Саша набил рот, чувствуя, как тепло растекается по телу. Это было лучше любого Люмосита. — Ба, — прощамкал он. — Ты могла бы вести кулинарное шоу на центральном канале. Seriously. — Звали, — отмахнулась она, наливая себе кофе. — Отказалась. Там по сценарию надо улыбаться тридцать два раза в минуту и рекламировать синтетическое масло. Я сказала продюсеру, что мое лицо не резиновое, а масло должно быть от коровы, а не от нефтяной вышки. Рейтинг упал на сотню, зато совесть чиста.

Она села напротив, и её взгляд стал серьезным. Золотое свечение браслета отразилось в её очках. — Кстати, о рейтингах и вышках. Мне снова пришло уведомление. Нам предлагают квоту на переселение. Квартал «Серебряные Струны». Трехкомнатная. Вид на парк, а не на... — она кивнула в сторону окна, за которым виднелись облупленные стены соседнего крыла. — Соседи — сплошь интеллигенция, рейтинг от 2500. Никаких драк под окнами, никаких перебоев с водой. Анна бы ожила там.

Саша замер с вилкой в руке. Аппетит исчез. Серебряные Струны. Район Миры. Чистые улицы, вежливые дроны, тишина. Рай. — Мама не поедет, — глухо сказал он. — Она скажет, что мы не потянем налог на роскошь. — Я потяну, — жестко сказала бабушка. — Я сейчас на пике охватов. — Но я не хочу, — выпалил Саша.

Роза Марковна прищурилась. Её взгляд, обычно теплый, сейчас сканировал его лучше любого детектора лжи. — Не хочешь? Или тебя что-то держит? Или кто-то?

Саша уткнулся в тарелку, чувствуя, как уши начинают гореть. — Никто меня не держит. Просто... здесь мой дом. Здесь школа. Здесь ребята.

Бабушка хмыкнула. Она встала, подошла к окну и отодвинула занавеску. Прямо напротив, через двор-колодец, темнели окна «теневого» крыла. Там, на третьем этаже, жил призрак. — Знаешь, Саш, — протянула она задумчиво. — Я ведь помню её маленькой. Ту девочку с пепельными волосами из четырнадцатой квартиры. Лею. Саша напрягся. — При чем тут она? — При том, что вы ходили в один садик, забыл? «Ромашка». Вы тогда были в одной группе. Помнишь, как ты пришел домой с фингалом? Сказал, что подрался с мальчишками, защищая честь семьи. А воспитательница потом рассказала мне, что тебя побила девочка. Лея. За то, что ты отобрал у неё красный карандаш.

Саша невольно улыбнулся. Воспоминание вспыхнуло яркой картинкой, пробиваясь сквозь серую муть настоящего. Да. Ему было пять. Лея тогда не была «Бесцветной». Она была... ураганом. Мелкая, с растрепанными волосами цвета золы, она дралась как дикая кошка. Он помнил её глаза — тогда они не были пустыми. Они метали молнии. Она укусила его за руку и кричала, что красный — это цвет дракона, а Саша — «глупый рыцарь». Это было так странно. Та Лея — живая, громкая, яростная. И эта Лея — тихая тень, которая скользит по стенам школы, боясь поднять глаза. Как будто кто-то взял и выключил звук.

И самое смешное — они ведь правда жили в одном доме. Всю жизнь. Ходили разными дорогами: она — по темной лестнице черного входа, он — через парадное. Он даже не узнал её, когда они встретились в декабре в Спецпотоке. Просто не сопоставил ту бешеную девчонку с этой прозрачной статуей.

— Мы не общаемся, — буркнул Саша, ковыряя сырник. — В смысле... мы в одной команде, но... — «Но», — передразнила бабушка. — Ты каждое утро смотришь на её окна, Саша. Я старая, но не слепая. И ты не хочешь уезжать, потому что боишься, что если ты перестанешь смотреть — она исчезнет окончательно.

Саша покраснел так, что стал одного цвета со своими волосами. — Это бред! Просто... закон Социальной Гигиены, ба! Мне нельзя с ней общаться. У неё рейтинг «Ошибка». Это опасно для твоего блога.

Роза Марковна резко развернулась. Фартук взметнулся. — Плевать я хотела на их гигиену! — рывкнула она так, что звякнули ложки. — В этом городе единственная грязь — это равнодушие! Если тебе нравится девочка — дружи с ней. Если она кусается — кусай в ответ, как в садике. Но не смей прикрываться рейтингами! В нашей семье трусов не было. Отец твой твой...

Она осеклась. Махнула рукой. — Ладно. Ешь. Остыло уже всё. И, Саша... Она подошла и положила руку ему на плечо. Тяжелую, теплую, пахнущую ванилью руку. — Не потеряй её во второй раз. Теней в этом городе и так слишком много. А живых — дефицит.

Саша кивнул, не поднимая глаз. Он доел остывший, но все еще идеальный сырник. За окном, в квартире напротив, дрогнула занавеска. Или ему просто показалось. Он не уедет. Потому что в Среднем Городе, может, и чище воздух. Но там нет окон, в которых иногда, очень редко, зажигается свет, похожий на сигнал SOS.

ТИХИЙ ПОДВИГ И ГРОМКАЯ МУДРОСТЬ

Саша бесшумно, как ниндзя, ступал по коридору. В квартире пахло ванилью и... надеждой? Нет, это просто апрельское солнце нагревало старый паркет.

У двери в мамину спальню он замер. Тишина. Саша на цыпочках, стараясь не скрипеть паркетом (предательская третья доска!), приоткрыл дверь.

Анна спала. Она лежала поверх одеяла, свернувшись в неестественно маленький комочек, будто хотела занимать как можно меньше места в этом мире. Халат сбился. Одна рука свисала с кровати, пальцы чуть подрагивали во сне — наверное, ей снилось, что она снова ставит капельницы под вой сирен скорой помощи. На тумбочке тикал будильник, рядом лежал бейдж: «Анна Новак. Старшая медсестра. Смена: Ночная».

Саша посмотрел на её лицо. Без фильтров, без макияжа, с тенями под глазами, которые были темнее, чем будущее выпускника с низким рейтингом. Уведомление. Система снова оценила её вчерашнюю смену, теперь еще в минус 30 баллов. «Недостаточная эмпатическая вовлеченность». «Идиоты, — подумал Саша, чувствуя, как внутри закипает глухая злость. — Она спасла троих. Но забыла улыбнуться родственникам. Потому что еще один пациент умер. Многие забывают о них сразу же. Но не все. Поэтому она в минусе».

Он осторожно, стараясь не скрипеть половицами, вошел внутрь. Солнечный луч нагло бил прямо ей в лицо. Саша взял с полки толстый том «Истории Великого Сияния» (бесполезная книга, которую выдавали всем школьникам) и подпер им штору так, чтобы ткань плотно закрыла щель. Комната погрузилась в спасительный полумрак.

Он поднял с пола упавший телефон мамы и положил на тумбочку, экраном вниз. Чтобы ни одно уведомление, ни один «срочный вызов» или «напоминание» не посмели её разбудить. Потом поправил одеяло, укрывая её плечи. — Спи, мам, — одними губами шепнул он. — Я сам разберусь. Я что-нибудь придумаю. Мы справимся.

Саша почувствовал, как сердце, которое только успокоилось после кошмара, снова сжалось. Но теперь не от страха. А от щемящей, острой нежности. Она спасала людей всю ночь. Латала чужие тела, пока Система считала баллы. У нее не было сил на «утреннюю воду с лимоном» и улыбку для подписчиков..

Он вышел и тихо прикрыл дверь. В этом простом движении — укрыть одеялом, закрыть штору — было больше правды и любви, чем во всех гигабайтах видео, которые сегодня зальют в сеть жители Лонглайна. Но за это не давали баллов. Это было бесплатно. А значит — бесценно. «Видимость — это валюта, но настоящее — дороже золота»,- подумал Саша.

В гостиной (она же студия) бушевала жизнь. Роза Марковна сидела перед камерой в позе лотоса (или того, что она называла лотосом), держа в руках... скалку. Саша замер в дверях, натягивая кроссовки.

— ...И запомните, мои девочки! — вещала бабушка, грозно размахивая скалкой перед объективом. — Мужчина — это не тот, кто говорит, что ты «удобная». Удобными бывают домашние тапочки! А ты — женщина! Ты должна быть как этот апрель — непредсказуемая и вдохновляющая!

Она приблизила лицо к камере, переходя на доверительный шепот: — Если он говорит тебе: «Ты слишком громкая», «Ты слишком сложная», «Ты слишком много хочешь»... Знаете, что надо делать? Она выдержала театральную паузу. — Надо не становиться тише. Надо менять аудиторию!

Саша хмыкнул, завязывая шнурки. Бабушка была в ударе.

— Если человек заставляет вас чувствовать себя маленькой, чтобы он на вашем фоне казался большим — это не любовь. Это паразитизм! — Роза Марковна ударила скалкой по ладони. — Мы не кормим паразитов! Мы кормим себя, свою душу и тех, кто нас ценит. Цените себя! Вы не пробники духов, чтобы всем нравиться. Вы — эксклюзивный аромат! Кто не понял нот — пусть нюхает освежитель воздуха!

Она послала воздушный поцелуй и отключила эфир. — Фух, — выдохнула она, откладывая скалку. — Охваты взлетели до небес. Саша, ты слышал? Это и тебя касается. — Меня? — Саша выпрямился, проверяя рюкзак. — Я вроде не девочка, и освежитель воздуха нюхать не планирую.

— Это касается всех, — строго сказала бабушка. — Ты вот всё смотришь на... некоторых. И думаешь, что ты недостаточно хорош. Что тебе надо прыгнуть выше головы, чтобы тебя заметили. Саша напрягся. Неужели заметила? — Я ни на кого не смотрю, — буркнул он, поправляя прическу в зеркале прихожей. Он действительно старался. Рубашка выглажена (спасибо бабушке), рыжие вихры уложены гелем (хотя они всё равно торчали, как антенны связи с космосом). Он хотел выглядеть достойно. Вдруг Она сегодня посмотрит на него? Вдруг улыбнется и скажет: «О, Саша, ты сегодня такой... V2 с плюсом»?

— Ну-ну, — Роза Марковна хитро прищурилась. — Ладно, беги, Казанова Нижнего Города. И помни: если ты будешь притворяться кем-то другим, ты привлечешь тех, кому нравится маска, а не ты. А потом маска прирастет, и отдирать будет больно. Спроси у Кайдена Росса, если осмелишься.

Саша замер. — При чем тут Кайден? — При том, — бабушка вдруг стала серьезной. — Думаешь, я про него не знаю? Я знаю, какой обед у наших соседей в противоположном доме. Не настолько я еще слепа. Он идеальный, да? Всегда вежливый, всегда сияет, всегда помогает. Но глаза у него, Саша... как у той рыбы на прилавке, которую заморозили ещё в прошлом веке. Холодные. Не верь идеальным фасадам, внучек. За ними чаще всего прячется плесень.

Она перекрестила его (точнее, сделала странный жест, похожий на благословение вай-фаем) и подтолкнула к двери. — Иди. И не забудь сменку!

Саша вылетел на лестничную клетку. Сердце стучало. Апрель, солнце, школа. И Она. Сегодня он точно с ней заговорит. Не просто как «шут класса», а по-серьезному. Он сбегал по ступенькам, перепрыгивая через две. На первом этаже он на секунду затормозил. Взгляд метнулся к почтовым ящикам. Ящик №14. Забит рекламными листовками. Из щели торчит розовая квитанция с грозной надписью: «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ВЫСЕЛЕНИИ». Лея. Саша нахмурился. Он огляделся по сторонам. Никого. Быстрым движением он выдернул эту розовую бумажку из ящика Леи, скомкал её и сунул себе в карман. Нечего ей с утра настроение портить. Она и так ходит как пришибленная. «Я просто сосед, — сказал он себе. — Просто помогаю. Так надо».

Он толкнул тяжелую подъездную дверь и шагнул в ослепительный свет улицы. Где-то там, впереди, была школа. Был Кайден со своей идеальной свитой. Была прекрасная Даля. Елена, со своим звонким смехом и очаровательными кудряшками. И была Лея, которую он хотел разбудить.

ГОРОД, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ (ОН ПРИТВОРЯЕТСЯ)

Улица встретила Сашу ударом света в сетчатку. Лонглайн не просто просыпался — он загружался.

Над головой, перекрывая настоящее небо, плыли гигантские голограммы. Это были не просто картинки, это были Приказы быть Счастливым.

«LUMOS-WHITE»: Огромная улыбающаяся девушка с рейтингом V1. Её зубы сияли ярче, чем будущее Саши. Слоган: «Твоя улыбка — твой капитал. Инвестируй в эмаль».

«BANK OF EMOTIONS»: Строгий мужчина в костюме. Слоган: «Усталость — это долг перед обществом. Возьми кредит на бодрость под 0% (при рейтинге от 3000)».

Саша натянул капюшон. Вся эта мишура вызывала тошноту. Он шел по Идеальному Проспекту. Асфальт был чист, как операционная. Ни окурка, ни фантика, ни пятнышка. Люди V1 и V2 шли, уткнувшись в экраны, сияя своими браслетами. Они думали, что чистота — это магия Системы.

Саша опустил глаза. Вдоль бордюров, сливаясь с серым камнем, двигались тени. Люди в униформе цвета городской пыли. Без браслетов. Без лиц (потому что на них никто не смотрел). Это были «Тени» низшего ранга. Старик сметал невидимую пыль. Женщина с пустыми глазами оттирала пятно от кофе, который пролил какой-то «Яркий», даже не извинившись.

Если бы эти «невидимки» исчезли хотя бы на час, Город Успеха утонул бы в собственном мусоре. Их работа была фундаментом, на котором стояли небоскребы тщеславия. Но в сводках новостей их не было. «Спасибо вам, призраки», — мысленно кивнул им Саша. Он знал цену этому труду. Мама часто возвращалась с дежурства с такими же серыми от усталости руками. Спасать людей — это не так успешно, если про это не говорят на билборде. В отражении витрин он увидел тень и остановился. Но никого рядом не было. Саша вспомнил свой сон.

— Эй, Новак! — окликнули его. У входа в школу стояла «святая троица» из параллельного. Смеются, обсуждают новый фильтр. Саша мгновенно нацепил привычную маску «Рыжего Клоуна». — О, привет! — он широко улыбнулся. — Вы выглядите так, будто только что выиграли в лотерею «Кто хочет стать Эмбером»! — А ты выглядишь как... ты, — фыркнула девчонка с розовыми волосами. — Слышал? Сегодня контрольная по Истории Иллюзий. — История — это то, что мы пишем сами, детка! — Саша подмигнул и проскользнул в двери школы.

Сердце колотилось. Он врал. Ему было страшно. Кошмар не отпускал.

СЦЕНА: ПРОРОЧЕСТВО НА ПОЛЯХ ТЕТРАДИ

Класс 7-С располагался в другом, «забытом» крыле цокольного этажа. В прошлом кабинете директору нужно было «экстренно» организовать место под товары из Даркнета и Теневых граней. Но он назвал это «инвестицией в развитие школы» и, конечно, не упомянул, что именно там будет храниться. В отличие от прежнего помещения, здесь было не одно узкое окно-бойница под потолком, а три, расположенных почти на уровне парт. Вид из них был все так же уныл — в основном ноги прохожих, грязные бордюры и крышки служебных дронов. Но эти окна были достаточно широкими, чтобы можно было сидеть на подоконнике, прислонившись к холодному стеклу, и притворяться, что видишь горизонт.

Стены, выкрашенные в унылый больнично-зеленый цвет, местами вздулись пузырями, похожими на ожоги. Парты исцарапаны поколениями изгоев. Свет тусклый, мигающий, словно лампочка не могла решить: гореть ей или уже сдаться. Класс 7-С гудел, как улей перед сбором меда. Кайдэн (на первой парте, конечно) что-то объяснял Елене, сияя идеальной укладкой. Елена заливисто смеялась и смотрела на него с обожанием. Далии еще не было. Мира что-то

быстро печатала на планшете. Лея сидела у окна, глядя на улицу. Близнецы молча читали одну книгу, сидя за первой партой у стены. Джаспер рассказывал новые мемы Маркусу и Магнусу. Николай разбирали старый телефон на запчасти, Бруно сидел рядом с Зоей и внимательно слушал ее рассказ о рыцарях и любви, представляя, что он такой же рыцарь и будет всегда оберегать свою даму. Ричард читал книгу, которую ему дала Мира. Они должны были обмениваться мнениями после уроков. Оливер слушал музыку и смотрел в окно. Вера тихо листала ленту «V-Life». Она мечтала научиться быть видимой.

Саша плюхнулся на свое место. За ним сидела Таня Волкова. Таня была странной. Он называл ее «Королева Тьмы и Угля», потому что она видит и рисует мрачные, пророческие картины. «Лучше бы она рисовала пони и единорогов», — подумал Саша. Она всегда сидела сгорбившись, закрывшись волосами, как шторами. Сегодня она не рисовала. Она дорисовывала.

Саша скосил глаза в её скетчбук. И замер. Воздух в легких превратился в бетон.

На листе, нарисованный углем и черной тушью, был мальчик. Рыжий. В знакомой куртке. Он бежал. А за ним, распахнув пасть, полную теней, гналось Нечто. Безликая фигура, которая, казалось, состояла из дыма и трещин. Рисунок был настолько детальным, что Саша узнал заплату на своем рукаве. И этот безликий монстр... Он уже почти касался плеча мальчика.

— Э-э-э... — голос Саши дрогнул, но он тут же выправил его, включив режим «Сарказм». — Тань, это что за хоррор? Я, конечно, знаю, что я не красавец, но рисовать меня в роли закуски для дементора — это перебор. Я что, настолько плохо получился на физре?

Таня медленно подняла голову. Ее глаза были огромными, темными, как два колодца. В них не было насмешки. — Это не ты на физре, Саша, — тихо сказала она. Голос был глухим, как из-под земли. — Это то, что я увидела вчера.

— Вчера? — Саша почувствовал, как по спине пробежал ледяной муравей. — В смысле... приснилось? — Нет. Просто... пришло. — Она коснулась пальцем черной фигуры на рисунке. Палец испачкался в угле. — Я вижу, как тьма ищет кого-то. Она голодная, Саш. И она очень похожа на тебя.

Саша сглотнул. Во рту пересохло. Это был его сон. Точь-в-точь. Откуда она знает? — Слушай, — он нервно хохотнул, протягивая руку. — Дай сюда. Я... э-э... заберу на аватарку. Это стиль. «Мрачный рыцарь и его тень». Ха-ха. Круто.

Таня молча вырвала лист из блокнота и протянула ему. — Возьми. Мне страшно на это смотреть. Саша схватил рисунок, скомкал его (слишком поспешно, слишком нервно) и запихнул на самое дно рюкзака, под учебники. — Да брось, Тань! Это просто твоя готическая фантазия. Меньше читай Эдгара По на ночь! — он громко рассмеялся, разводя руками, чтобы привлечь внимание класса и переключить тему. — Народ! Кто готов к контрольной? Я готов сдать пустой лист и сказать, что это концептуальное искусство!

Класс засмеялся. Маркус содрогнулся от боли. Саша — душа компании. Саша — шут. У Саши всё отлично.

ЛЕЯ.

Лея отвернулась от окна. Смех Саши резанул её по ушам, как звук лопнувшей струны. Она посмотрела на него. Все видели веселого рыжего парня, который строит рожи. Лея видела катастрофу.

Вокруг него не было привычных теплых оранжевых пузырьков радости. Его аура была исколота. Вместо смеха из его горла вылетали маленькие, острые серые иглы. Это была Паника. А в районе груди, там, где у людей обычно светится спокойствие, у Саши сидела огромная, холодная, склизкая Жаба. Она сжимала его сердце лапами, и от нее исходили волны такого густого, черного Страх, что Лее стало трудно дышать.

«Он врет, — поняла она. — Ему не весело. Ему смертельно страшно. Что там, в этом рисунке?»

Она хотела встать. Подойти. Спросить: «Саша, почему твой страх пахнет могильной землей?» Она уже качнулась вперед, чувствуя, как внутри просыпается странное чувство — желание не просто утешить, а закрыть собой, отогнать эту Жабу. Как будто внутри неё просыпался не только Эмпат, но и кто-то древний, сильный. Дракон, который чувствует беду своего... друга? «Я вижу. Ты не один». Лея даже подалась вперед, чувствуя, как внутри просыпается горячая волна — не жалость, а желание защитить.

Дверь класса распахнулась.

Дверь действительно распахнулась, но не от удара ноги, как это делала Роза Марковна, а плавно, величественно, словно у петель было своё чувство такта.

В класс вошла Далия.

Она выглядела не как ученица, опоздавшая на первый урок, а как звезда, которая дала публике время разогреться. Идеально отутюженная форма (ни единой складки, словно ткань боялась её расстроить), волосы, лежащие тяжелой, глянцево-волной, и взгляд, устремленный чуть выше голов остальных.

Но Лея, сидящая у окна, прищурилась. Она видела, как под слоем тонального крема на виске Далии бьется тонкая синяя жилка. А вокруг её шеи, словно невидимый шарф, затягивалась тонкая, серебристая леска. Тревога. Далия боялась, что её выход не оценят.

Реакция последовала мгновенно.

Кайдэн Росс, который секунду назад наклонился к Елене, шепча ей что-то, от чего та краснела и хихикала, выпрямился. Его движение было таким плавным и быстрым, словно он был сделан не из костей и мышц, а из ртути.

Елена застыла с полукрытым ртом. Её смех оборвался, превратившись в нелепый писк. Лея увидела, как вокруг кудрявой головы Елены лопнул желтый пузырь радости, и на плечи осело липкое серое облачко разочарования.

Кайдэн этого «не заметил». Он уже был рядом с Далией.

— Мы начали волноваться, — его голос был глубоким, обволакивающим, специально настроенным на частоту «Забота и Обожание». Он галантно отодвинул стул рядом с собой (с которого только что смахнул вещи Елены). — Твоё место ждало тебя. Как и я.

Далия чуть вскинула подбородок. Её аура, до этого подрагивающая от неуверенности, вспыхнула ярким, но холодным золотым светом. «Меня выбрали. Я всё еще важна». Она села, даже не взглянув на Елену, которую только что публично «отменили».

— Спасибо, — бросила она, поправляя волосы. — Пробки в Верхнем Городе. Дроны доставки совсем сошли с ума из-за распродажи свежего воздуха.

В классе повисла тишина. Все наблюдали за этой сценой: кто-то с завистью (Эрика с задней парты сжала ручку так, что побелели пальцы), кто-то с восхищением.

— Оскар в студию! — громкий шепот Саши разрезал тишину, как нож консервную банку.

Он сидел, вальяжно откинувшись на стуле, и крутил в пальцах карандаш.

— Seriously, Кен, — фыркнул он, глядя прямо на Кайдэна. — Ты переобуваешься быстрее, чем мой телефон ловит вай-фай. Елена, ты как? Шею не продуло от такого резкого ветра перемен?

Класс прыснул. Напряжение, которое нагнал Кайдэн своим «идеальным выступлением», лопнуло. Кайдэн медленно повернул голову. Его улыбка не дрогнула, но Лея увидела, как его Зеркальная аура на мгновение пошла рябью, отражая холодную, острую сталь.

— Зависть плохо влияет на цвет лица, Новак, — мягко сказал он. — Тебе бы к косметологу. Или к психиатру.

— А тебе — к ветеринару, — парировал Саша, подмигивая обоими глазами сразу (нервный тик сработал идеально). — Проверить, есть ли у тебя сердцебиение, или ты работаешь на батарейках.

Далия резко развернулась: — Заткнись, Рыжий. Твои шутки дешевле, чем распродажа в Нижнем Городе.

Саша лишь развел руками, но Лея заметила, как он сжал карандаш. Жаба на его груди довольно квакнула. Он защищался нападением.

В этот момент дверь снова открылась. На пороге стоял Мистер Штольц.

Он не стал кричать «Тишина!» или стучать указкой. Он просто вошел, и класс замолк сам собой. Штольц обладал удивительной способностью: он носил самый скучный в мире твидовый пиджак, но смотрел на учеников так, будто знал пин-коды от их банковских карт и самые стыдные секреты.

— Обмен любезностями закончен? — сухо спросил он, проходя к столу. — Прекрасно. Потому что сегодня мы не будем тратить время на выяснение, у кого рейтинг длиннее.

Он резко развернулся к доске и размашистым почерком написал одно слово:

ИЛЛЮЗИЯ

— Кто скажет мне, что это? — он обвел класс взглядом. — Мира?

Мира Коваль поправила очки. — Искажение восприятия, при котором мозг интерпретирует сенсорные данные неверно, — отчеканила она. — Ошибка кода реальности.

— Технически верно, но скучно, — кивнул Штольц. — Кайден? Твоя версия.

Кайден улыбнулся своей фирменной улыбкой «32 зуба успеха». — Иллюзия — это то, что позволяет слабым людям чувствовать себя лучше. Это... мечта, к которой нужно стремиться.

Штольц хмыкнул. — Красиво. Как в рекламном буклете. А теперь, — он достал из портфеля два яблока. Одно было идеально красным, глянцевым, словно налитым светом. Второе — маленьким, сморщенным, с пятнышком на боку.

— Представьте, что это ваш обед. И ваш статус. Какое вы выберете?

— Красное, — не задумываясь, сказала Далия. — Очевидно. Оно качественное.

— Качественное... — протянул Штольц. Он взял скальпель (у него всегда был скальпель, никто не знал почему) и разрезал идеальное красное яблоко пополам.

Внутри оно было серым. Рыхлая, сухая мякоть, похожая на вату. — Это — муляж, — сказал учитель, бросая половинки в мусорное ведро. — Генетически модифицированная пустышка. Выглядит дорого, на вкус как картон. Создана, чтобы лежать на витрине месяц и не портиться.

Затем он взял сморщенное яблоко и разрезал его. Брызнул сок. По классу поплыл настоящий, кислый, живой запах. — А это — антоновка. Некрасивая. Нестандартная. Но живая.

Он вытер руки платком. — Тема сегодняшнего урока: «Эффект ореола и Цена Красивой Картинки». Мы поговорим о том, почему вы верите тем, кто хорошо выглядит, и презираете тех, кто выглядит... иначе.

Он посмотрел прямо на Кайдена, а потом перевел взгляд на Сашу.

— Убирайте учебники. Доставайте телефоны. Сегодняшний тест пройдет в ваших любимых социальных сетях. Задание: найти три профиля, которые вам нравятся. И доказать мне, что эти люди — не гнилые яблоки.

Лея почувствовала, как внутри всё сжалось. «Он знает. Он всё знает про нас». Она посмотрела на Кайдена. Тот сидел прямо, но его Зеркальная аура на секунду пошла трещинами, обнажая пустоту.

Штольц улыбнулся — недобро, но честно. — Время пошло. И помните: в этом кабинете лайки не конвертируются в оценки. Здесь валюта одна — правда.

Саша склонился к Елене и шепнул: — Кажется, сегодня у кого-то упадут охваты.

Лея посмотрела на него. Жаба на его груди стала меньше. Сморщилась. Штольц своим яблоком сделал то, что не смогла бы сделать Лея — он показал, что быть «кривым» не страшно. Страшно быть ватным.

— Спорим, Кен выберет свой собственный профиль? — прошептала она в ответ.

Саша фыркнул, прикрывая рот ладонью. И этот звук был самым настоящим во всем классе.

Штольц вытер скальпель белоснежным платком и снова поднял «живое» яблоко.

— Прежде чем мы начнем вскрытие чужих профилей, нужно усвоить базу. — Он подбросил яблоко в воздухе. — Внимание, вопрос. Это яблоко — кислое. Это факт или мнение?

— Факт, — буркнул Джаспер. — Вы сами сказали, что это антоновка. Скулы сводит.

— Садись, Джаспер. Два балла за логику, десять за уверенность, — Штольц покачал головой. — То, что яблоко кислое — это мнение. Твоим рецепторам кисло. А вот червяку внутри, возможно, сладко.

Класс зашушукался.

— А вот то, что в этом яблоке содержится фруктоза и железо — это факт, — продолжил учитель. — Запомните правило, которое спасет вам кучу нервов и денег: Факт — это реальность. Мнение — это отношение к реальности. Когда вам пишут: «Ты урод» — это мнение. Оно принадлежит автору, а не вам. Когда вам пишут: «У тебя рейтинг 100 баллов» — это факт. Чувствуете разницу?

Лея кивнула. Это было похоже на то, как она разделяла эмоции: вот Синий Камень (грусть — факт присутствия эмоции), а вот то, что «грустить плохо» (мнение Системы).

— Итак, к барьеру, — Штольц указал указкой на Сашу. — Новак. Твой «пациент».

Саша бодро вскочил, подключил свой телефон к проектору. На доске высветился профиль какого-то парня в золотых очках, сидящего на капоте красного спорткара. Ник: @King_Of_Life_777. Подпись: «Пока ты спишь, я зарабатываю. Купил эту малышку с одной сделки. Хочешь так же? Пиши в личку».

— Прошу, — Саша сделал приглашающий жест, как фокусник. — Анализ пациента.

— Факт номер один, — начал Саша голосом телеведущего программы о животных. — На заднем плане виден автобус с рекламой йогурта, которая закончилась три года назад. Вывод: фото старое или украдено из архива. — Факт номер два: — Саша увеличил отражение в золотых очках парня. — В очках отражается не элитный небоскреб, а бабушка с тележкой и панелька Нижнего Города. — Мнение пациента: Он король жизни. — Суровая реальность: Он взял машину в аренду на пять минут, чтобы продать нам воздух. Диагноз: Гнилое яблоко с ароматизатором «Успех».

Класс взорвался смехом. Даже у Эрики, обычно не смеявшейся над шутками «низов», дрогнули бы губы, будь она с ними.

— Блестяще, — кивнул Штольц. — Новак, ты только что сэкономил классу деньги, которые они могли бы потратить на его курс. Десять баллов.

Саша картинно поклонился, но Лея видела: Оранжевый Мячик над его головой (желание понравиться) сдулся, уступив место чему-то колючему и серому. Страху. Саша высмеивал ложь, потому что сам боялся быть разоблаченным.

— А теперь — тяжелая артиллерия, — Штольц повернулся к первой парте. — Кайден. Твой ход.

Кайден нехотя встал. Его идеальное лицо выражало вежливую скуку человека, которого заставили объяснять таблицу умножения муравьям.

— Я не вижу смысла в этом копании в грязи, — холодно произнес он. — Успешные люди не анализируют неудачников. Они создают тренды.

— Вот как? — Штольц присел на край стола. — То есть, критическое мышление — это для бедных?

— Критическое мышление — это тормоз, — Кайден улыбнулся, и Лея увидела, как по классу пополз липкий холод. — Пока вы думаете, «факт» это или «мнение», я уже продал идею. Какая разница, арендована машина или нет, если люди верят? Валюта этого мира — вера, а не правда. Вы учите нас быть душными, мистер Штольц. А надо учить быть убедительными.

В классе повисла тишина. Это был бунт. И самое страшное — Далия смотрела на Кайдена как на божество, сошедшее с небес.

Штольц не разозлился. Он выглядел... довольным. Как хирург, нашедший опухоль.

— Спасибо за демонстрацию, Кайден. Ты только что идеально проиллюстрировал тему второй части урока. Теневые Грани.

Кайден нахмурился. Этого в его сценарии не было.

Штольц нажал кнопку на пульте. На экране вместо смешного «Короля Жизни» появился скриншот из Теневых Граней (ТГ) — анонимной соцсети, где сливали негатив.

Комментарий: «Эта выскочка думает, что она звезда, но мы-то знаем, что её отец купил ей место. Жду, когда она упадёт. Сдохни, тварь».

Класс ахнул. Жестокость слов резала глаза.

— Это написал человек, который в «V-Life» постит фото котиков и цитаты о добре, — жестко сказал Штольц. — Кайден говорит, что правда не важна. Но когда вот это прилетает вам в личку, вам становится больно. Почему?

— Потому что это правда? — тихо спросила Вера Фрост с задней парты.

— Нет! — Штольц ударил ладонью по столу. — Потому что вы не умеете отличать ФАКТ от МНЕНИЯ.

Он подошел к доске и обвел слово ХЕЙТ.

— Записывайте. Это спасет вашу психику. Закон Зеркала:

Когда человек пишет гадость о вас, он на 90% описывает СЕБЯ.

Лея замерла. Она вспомнила Виктора, своего отца. Его слова: «Ты недостаточно хороша». Неужели... это было о нём?

— Смотрите, — Штольц указал на комментарий. — "Жду, когда она упадёт". Это факт о жертве? Нет. Это факт о том, что автор комментария лежит на дне и завидует. "Отец купил место" — это проекция его собственной беспомощности. Счастливые люди не хейтят. Счастливый человек не может выплюнуть яд, потому что внутри у него нет яда.

— А если... если они правы? — голос Саши дрогнул. Он тут же закашлялся, превращая это в шутку. — Ну, чисто гипотетически. Если я реально рыжий и у меня нос картошкой?

— То, что ты рыжий — это факт, — спокойно ответил Штольц. — А то, что это плохо или смешно — это мнение того, у кого проблемы с восприятием красоты. Твоя задача — не принять этот "подарок". Представь, что тебе дарят коробку с тухлой рыбой. Ты обязан её брать?

— Нет, — сказал Саша. — В этом случае, я — веган.

Класс снова засмеялся, но уже с облегчением. Напряжение спало.

— Вот именно, — Штольц посмотрел на часы. — Оставьте тухлую рыбу дарителю. Пусть сам с ней живет и нюхает. Домашнее задание: найти в ТГ один хейтерский комментарий (не про себя!) и перевести его с языка "Яда" на язык "Боли автора". Понять, что у этого человека болит.

Звонок прозвенел как спасение.

Кайден встал первым. Он не выглядел побежденным. Наоборот. Он медленно подошел к Далии, которая всё ещё собирала вещи.

Лея видела его ауру — Зеркало стало мутным, тёмным. Он был в ярости от того, что Штольц публично обесценил его философию "успеха".

— Интересный урок, — громко сказал он, так, чтобы слышала Далия. — Особенно про факты. Знаешь, Далия, Штольц прав. Факты — упрямая вещь. Например, факт, что некоторые люди выглядят королевами, только пока рядом есть король. А без него... — он выразительно посмотрел на нее — Они просто бабушкины внучки с пальцами.

Далия побледнела. Кайден ударил в самое больное — в её страх быть "несовременной", обычной.

— Пойдем, — он протянул ей руку, снова включив "Джентльмена". — Я угощу тебя горячим шоколадом. Тебе нужно... успокоиться. Ты выглядишь напряженной.

И Далия, забыв про "тухлую рыбу", о которой только что говорили, взяла его за руку. Она приняла подарок.

Саша, стоящий у выхода, сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Вот же... генетически модифицированный фрукт, — прошипел он.

— Ты пропустил "гнилой", — тихо добавила Лея.

Она видела то, чего не видел никто: на спине Кайдена, там, где должна быть совесть, сидела маленькая, жирная Пиявка Скуки. Он уже начал есть Далию. И он не остановится.

Дверь за Кайденом и Далией закрылась мягко, но звук этот в тишине класса показался выстрелом с глушителем. Дверь закрылась, отрезав класс от шлейфа дорогих духов Кайдена.

Все невольно посмотрели на Елену, но Елена... просто пожала плечами.

Она не выглядела раздавленной. Она допила свой сок, аккуратно выбросила пустую пачку в урну и поправила кудряшки.

Лея присмотрелась. Вокруг Елены не было ни серых облаков обиды, ни красных искр гнева. Её аура светилась ровным, тёплым светом — как мягкий бежевый кашемир или утренний тост с маслом. Уютно. Сытно. Спокойно.

— Ну, ушел и ушел, — легко сказала Елена, заметив общие взгляды. — У него дела, у меня — расписание. Кстати, кто-нибудь будет доедать печенье?

Саша, который уже набрал в легкие воздуха для защитной шутки, поперхнулся. — Лен, ты... в порядке? Он же только что технично тебя «слил».

— Слил? — Елена искренне удивилась. — Саш, он просто вежливо попрощался и пошел поддерживать Далию. Ей же плохо. Это нормально. Не накручивай.

Лея улыбнулась. Елена была уникальна. Она не видела подтекстов, не искала двойное дно. Для неё мир был простым: если человек улыбается — значит, ему весело. Если ушел — значит, занят. Кайден мог сколько угодно плести свои интриги, но для Елены он был просто «милым парнем из параллели». Она была непробиваема для его яда, потому что у неё не было раны, в которую этот яд мог бы попасть.

— Святая простота, — пробормотал Маркус, но его лицо расслабилось. Рядом с Еленой его не тошнило. Она была правдива в своей наивности.

— Горячий шоколад... — протянул Саша, глядя на закрытую дверь. Он сидел на первой парте центрального ряда, теперь один. Стул Далии рядом с ним пустовал, и эта пустота ощущалась как дыра в зубе. — Надеюсь, он не забыл добавить туда мышьяк. Для пикантности.

— Или сыворотку правды, — хмыкнул Джаспер Вонг с ряда у стены. Он сидел рядом с Маркусом и подбрасывал монетку, которая каждый раз меняла цвет в полёте. — Хотя, боюсь, у Кена аллергия на правду. Отёк Квинке случится.

Класс нервно хихикнул. Джаспер и Саша были как два полюса магнита: оба Шуты, но если Саша был «Рыжим Хаосом», который смеялся, чтобы не кричать от боли, то Джаспер был «Иллюзионистом», который смеялся, чтобы сбить фокус.

Маркус Айрон, сосед Джаспера, поморщился и потерял солнечное сплетение. — Прекратите, — буркнул он. — В комнате до сих пор фонит ложью. Меня сейчас вырвет.

Штольц постучал маркером по доске, возвращая внимание. Он не стал комментировать уход учеников.

— Итак, — произнес он спокойным, ровным голосом. — Мы потеряли двух бойцов на поле боя под названием «Социальное Ожидание». Лея подняла руку. Она сидела на галерке центрального ряда, рядом с Мирой. Её голос дрожал, но она должна была спросить. — Мистер Штольц... А почему? Почему люди это делают?

Штольц вопросительно поднял бровь. — Уточни вопрос, Лея.

— Почему, когда человеку плохо... — Лея вспомнила, как Далия сжалась от слов про «бабушкины внуки», как её аура из золотой стала грязно-серой. — Почему, когда кто-то оступается или показывает слабость, другие... набрасываются? Особенно «свои». Почему они добивают? Как хищники, которые чувствуют кровь.

В классе повисла тишина. Вопрос был не про абстрактных людей. Все понимали, о ком речь.

Штольц вздохнул. Он отложил маркер и сел на край учительского стола, нарушая субординацию, но сокращая дистанцию.

— Хороший вопрос, Лея. Это называется «Закон Курятника», или, если по-научному, «Смещенная Агрессия».

Он обвел взглядом класс. — Представьте человека, который внешне выглядит как Король. У него идеальная одежда, идеальная улыбка, высокий рейтинг. Но внутри... — Штольц постучал пальцем по груди. — Внутри у него черная дыра. Страх. Страх, что он — самозванец. Что его «успех» — это мыльный пузырь.

Мира Коваль поправила очки, что-то быстро записывая в планшет. Ричард Стерн, сидевший в углу, кивнул, словно подтверждая факт из энциклопедии.

— Когда такой человек видит, что кто-то рядом оступился, — продолжил Штольц, — он чувствует облегчение. «Ага! Она слабая! Значит, на её фоне я — сильный». Унижая другого, он на секунду затыкает свой собственный страх. Он пьёт чужую боль, как обезболивающее.

— То есть, это вампиризм? — спросила Таня Волкова. Вокруг неё, как всегда, сгустились мрачные тени, а Магнус рядом молча кивнул, подтверждая её мысль.

— Психологический, — согласился Штольц. — И запомните главное правило самообороны: Счастливый человек никогда не будет вас добивать. Если кто-то пишет гадости в Теневых Гранях или унижает вас за хобби... — он выразительно посмотрел на пустующее место Далии. — Это не критика. Это крик о помощи. Это значит, что у агрессора внутри ад, и он просто хочет, чтобы вы в нём тоже погорели. За компанию.

— А мы можем спросить Маркуса? — вдруг выкрикнул Николай Волков, который вечно искрил от нетерпения. — Ну, типа... Вот Кайден сейчас врал, когда говорил, что хочет угостить её шоколадом? Маркус же чувствует!

Весь класс повернулся к Маркусу. Тот позеленел и вжался в стул.

— Нет! — резко оборвал Штольц. Его голос стал жестким. — Мы это обсуждали. Способность Маркуса — это его проклятие и его инструмент. Мы не используем людей как детекторы лжи.

— Но это же проще! — возразила Елена Мартинес. Она не выглядела расстроенной из-за того, что Кайден её «бросил», но её «солнечная» натура требовала ясности. — Зачем гадать, если можно просто узнать правду?

— Затем, Елена, — Штольц встал, — что в реальной жизни Маркуса рядом не будет. Вы должны научиться чувствовать фальшь своим мозгом и своим сердцем. Критическое мышление — это мышца. Если вы будете пользоваться костылем в виде дара Маркуса, вы никогда не научитесь ходить сами.

Он подошел к окну, где сидел ряд «Холодного Фронта».

— Кроме того, есть люди, которым не нужно врать, чтобы быть опасными. Или чтобы быть сильными. Истинная сила не нуждается в том, чтобы кого-то унижать. Ей не нужно кричать. Ей достаточно... просто быть.

Он на секунду задержал взгляд на первой парте ряда у стены. Там сидели Близнецы Вайс. Ян и Яна.

Они сидели абсолютно неподвижно, с идеально прямыми спинами. Их платиновые волосы ловили солнечный свет, превращая его в холодное серебро. Они не записывали лекцию. Они сканировали её.

— Например, — Штольц говорил вроде бы отвлеченно, но класс напрягся. — Если кто-то угрожает вам расправой... Обычно это признак того, что он вас боится. Угроза — это оружие слабых. Сильные просто действуют. Или игнорируют.

Вдруг на задней парте этого же ряда раздался тихий звук. Как будто кто-то резко выдохнул.

Все обернулись.

Вера Фрост, «Невидимка», сидевшая рядом с Ричардом, стала стремительно бледнеть. Нет, не просто бледнеть. Она становилась прозрачной. Сквозь её плечо стало видно корешок учебника Ричарда.

— Вера? — Штольц шагнул к ней. — Дыши. Заземляйся. Назови пять предметов синего цвета. Быстро.

Вера замотала головой. Её глаза, расширенные от ужаса, смотрели на Близнецов. — Я... я не хотела... — прошептала она. Голос шел словно из пустоты. — Я слышала. Тогда. Во дворе.

— Что ты слышала, Вера? — мягко спросила Лея с галерки. Она видела, как вокруг Веры сгущается плотное Серое Одеяло страха, готовое её поглотить.

Вера сглотнула. Она проявилась чуть четче, но всё ещё была похожа на призрака. — Кайден... Он сказал Близнецам... После того как Близнецы отказались от альянса с Кайденом и ушли, я тоже сидела там, у ствола дуба. Он сказал: «Я вас сожгу.»

Класс ахнул. Елена прижала руки ко рту. Даже Саша перестал крутить ручку.

— Он угрожал Эмберам из Топ-10? — прошептал Ричард, поправляя очки. — Это статистически... самоубийство.

Все посмотрели на Близнецов.

Ян и Яна медленно, совершенно синхронно повернули головы к Вере. В их ледяных глазах не было ни страха, ни злости. Там была... скука?

И вдруг они рассмеялись.

Это был не тот смех, которым смеялись в классе — живой, неровный. Это был звук, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков на ветру. Идеально чистый, холодный и жутковатый.

— «Сожгу», — сказал Ян, чуть улыбнувшись уголком рта. — Какая пошлая метафора, — закончила Яна тем же тоном.

— Мы слышали, Вера, — сказали они хором, глядя на дрожащую невидимку. — У нас отличный слух.

— Но вы... вы не боитесь? — спросила Вера, постепенно возвращая себе плотность от удивления. — Он же... у него связи. Отец...

Ян лениво поправил манжет рубашки. — Отец может купить рейтинг, — сказал он. — Но он не может купить породу, — добавила Яна.

— Кайден Росс для нас — не угроза, — произнес Ян, глядя в пустоту, где недавно сидел Кайден. — Он — белый шум. — Статическая помеха в эфире, — кивнула Яна. — Пустое место, которое очень громко кричит, чтобы казаться объемным.

— Нас невозможно сжечь, — закончили они вместе, и Лея увидела, как вокруг них вспыхнула и тут же погасла холодная, белоснежная вспышка. Символ Бесконечности. — Лёд не горит. Он плавится только от настоящего тепла. А у Кайдена его нет.

Штольц, наблюдавший за этой сценой, едва заметно улыбнулся. — Вот вам и урок, дамы и господа. Истинная власть — это не угрозы. Это полное равнодушие к попыткам вас задеть.

В углу, за третьей партой, Ричард Стерн несмело подвинул свой локоть чуть ближе к локтю Миры Коваль. Они оба уткнулись в свои планшеты, делая вид, что анализируют данные, но Лея увидела: между ними, очень тонкая и робкая, протянулась бледно-розовая ниточка. Симпатия.

Они оба были слишком неловкими, чтобы посмотреть друг на друга, но в этом классе, полном драм и угроз, их молчаливое "мы здесь, мы нормальные" было самым уютным, что видела Лея за сегодня.

— А теперь, — голос Штольца снова стал деловым. — Раз уж мы разобрались с тем, кто тут хищник, а кто — айсберг... Доставайте телефоны. Мы идём на охоту. Будем учиться вычислять ботов в Теневых Гранях. Практическая работа. Тот, кто найдёт алгоритм накрутки хейта, получит автомат по теме «Информационная гигиена».

Саша оживился, его пальцы уже летали над экраном. — О, ну держись, Интернет. Рыжий Патруль выходит на тропу войны!

Лея улыбнулась. Жаба на груди Саши исчезла. Но тревога за Далию, которая сейчас пила свой «горячий шоколад» с тем, кто обещал сжечь одноклассников, никуда не делась. Она висела в воздухе тяжелым Синим Камнем.

АНАТОМИЯ ТРОЛЛЯ И ПОВОДОК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

Звонок на урок прозвенел, как сигнал к началу второго раунда. Класс зашуршал, рассаживаясь по местам. Саша Новак, уже успевший взломать (как он утверждал) Пентагон с телефона, откинулся на стуле, ожидая шоу.

Дверь открылась.

Сначала вошла волна аромата — смесь дорогого кофе, корицы и чего-то синтетически-сладкого, похожего на запах нового автомобиля. Следом вошла Далия. А за ней, как тень, от которой невозможно отмыться, — Кайдэн.

Лея прищурилась. Что он с ней сделал за эти двадцать минут?

Далия сияла. Но это было не теплое, живое свечение, как у Елены Мартинес. Это был холодный, электрический блеск неоновой вывески. Вокруг её головы, словно нимб, дрожало розоватое марево — Эйфория. Но Лея видела глубже.

На шее Далии, тонкая, как паутинка, но прочная, как стальной трос, висела серебряная цепь. Другой конец этой цепи исчезал в кармане идеально отглаженного пиджака Кайдэна.

Он её привязал. Снова.

Кайдэн галантно отодвинул стул для Далии, поставил перед ней стаканчик с горячим шоколадом (на котором было написано «Моей Королеве») и сел на своё место, даже не взглянув на Елену.

— Простите за опоздание, мистер Штолец, — произнес Кайдэн с улыбкой, от которой у Маркуса Айрона, детектора лжи, дернулся глаз. — Мы обсуждали стратегию... личностного роста.

— Садитесь, — сухо кивнул Штолец. — Надеюсь, ваш рост не помешает вам увидеть то, что находится у вас под ногами.

Он включил проектор. На экране высветилась схема, похожая на карту метро, только станции назывались странно: «Вброс», «Эмоциональная Раскачка», «Газлайтинг», «Обесценивание».

— Тема второй части урока: «Информационная Гигиена: Как не съесть наживку», — объявил Штолец. — Вы все живете в Сети. Для вас «V-Life» и «ТГ» — это вторая реальность. Но вы там не туристы. Вы там — дичь.

Он нажал кнопку. Схема сменилась изображением профиля в ТГ. Аватарка — черный силуэт. Ник: @Truth_Seeker_001. Последний комментарий: «Все вы — стадо. Только я знаю правду. Ваши рейтинги — ложь, ваши улыбки — гниль. Скоро всё рухнет».

— Типичный пример, — сказал Штолец. — Кто скажет мне, кто это? Реальный борец за справедливость или... кто-то другой?

— Это бот, — лениво отозвался Николай Волков, не отрываясь от своего разобранного телефона. — У него ноль подписок, ноль постов, дата регистрации — вчера. Активность — 24/7. Люди столько не живут.

— Верно, — кивнул Штольц. — Это Алгоритмический Тролль. Его задача — не донести истину, а вызвать у вас эмоцию. Гнев. Страх. Обиду. Как только вы ответили ему — вы проиграли. Вы отдали ему свою энергию.

— А если это реальный человек? — спросила Зоя Дюваль, выглядывая из-за широкой спины Бруно. — Ну, которому просто... плохо?

— Отличный вопрос, Зоя. — Штольц подошел к доске. — Как отличить человека, которому плохо, от того, кто хочет сделать плохо вам?

Он написал два столбика.

КРИК О ПОМОЩИ:

«Мне грустно»

«Я не справляюсь»

«Почему мир такой несправедливый?»

Цель: Найти поддержку.

АТАКА (ТРОЛЛИНГ):

«Ты жалок»

«У тебя ничего не выйдет»

«Все знают, что ты...»

Цель: Вызвать реакцию. Унизить.

— Чувствуете разницу? — спросил Штольц. — Человек, которому больно, говорит о своей боли. Тролль говорит о ваших недостатках.

— То есть, если мне пишут: «Саша, ты клоун», — подал голос Саша, — это значит, что у человека проблемы с цирком?

— Это значит, что у человека проблемы с самооценкой, и он пытается поднять её за твой счет, — ответил Штольц. — А теперь — практика. Доставайте телефоны. Заходим в ТГ. Ваша задача — найти ветку комментариев, где идет «срач» (да, я знаю это слово), и определить: кто там тролль, кто жертва, а кто — полезный идиот.

Класс оживился. Это было интереснее, чем формулы.

— Я нашла! — через минуту воскликнула Таня Волкова. — Ветка про новый закон о школьной форме. Тут один пользователь пишет: «Только рабы носят форму». А другой отвечает: «Сам ты раб, урод!». И понеслось...

— Разбор, — скомандовал Штольц.

— Первый — провокатор, — мрачно сказала Таня. — Он кинул фразу-крючок. Слово «рабы» — это триггер. Второй — жертва. Он проглотил наживку и перешел на личности. Теперь они оба кормят систему.

— Блестяще, — кивнул Штольц. — А теперь — лайфхак. Как нужно было ответить первому?

— Никак? — предложил Бруно.

— Это лучший вариант. Но если очень хочется... — Штольц хищно улыбнулся. — Используйте метод «Психологического Айкидо». Согласитесь с абсурдом.

Он написал на доске:

Агрессор: «Ты идиот!»

Ответ: «Возможно. Зато у меня красивые глаза. А как у тебя дела?»

Класс засмеялся.

— Вы ломаете сценарий, — объяснил Штольц. — Агрессор ждет защиты или нападения. А вы даете ему... вату. Ему не во что бить. Его энергия уходит в пустоту.

Лея посмотрела на Кайдена. Тот сидел, скрестив руки на груди, и смотрел на Штольца с выражением вежливого презрения. «Он знает это, — подумала она. — Он сам — мастер айкидо. Только черного».

— А теперь, — Штолец посмотрел на часы, — переходим к самому сложному. Переговоры с террористами.

В классе повисла тишина.

— Я не про тех, кто захватывает самолеты, — успокоил он. — Я про эмоциональных террористов. Тех, кто говорит: «Если ты не сделаешь это, я обижусь», «Я же для тебя старался», «Ты меня не любишь, раз не хочешь...».

Лея увидела, как Далия вздрогнула. Серебряная цепь на её шее натянулась. Именно это делал с ней Кайден. «Ты выглядишь напряженной... Я угощу тебя...» — это была не забота. Это был контроль под маской заботы.

— Маркус, — позвал Штолец. — Ты будешь детектором. Саша, ты — жертва. Джаспер, ты — манипулятор. Сцена: Джаспер хочет списать у Саши домашку, но Саша не хочет давать. Начали.

Саша и Джаспер вышли к доске. Джаспер тут же принял позу «бедного родственника»: плечи опущены, глаза — как у кота из «Шрека».

— Саш... — протянул он жалобно. — Слушай, друг... У меня вчера хомяк рожал. Всю ночь не спал. Голова — как барабан. Дай списать алгебру, а? Ты же друг.

Саша замаялся. Ему явно было неловко отказывать. — Ну... Джас, я сам еле сделал... Там сложно...

— Вот так всегда! — Джаспер мгновенно сменил пластинку. Теперь он был «обиженным праведником». — Я к тебе со всей душой, а ты... Жалко тебе, да? Для друга жалко? А я думал, мы команда...

Саша сжался. Жаба вины уже прыгнула ему на грудь. — Да ладно тебе... На, бери.

— СТОП! — хлопнул в ладоши Штолец. — Маркус, диагноз?

Маркус поморщился, держась за живот. — Джаспер врал про хомяка. У него нет хомяка. И про дружбу врал. Ему просто лень. А Саша... Саша испугался, что его отвергнут.

— Именно, — кивнул Штолец. — Джаспер использовал классическую схему: Жалость → Обвинение → Вина. Саша попался. Как надо было ответить?

Штолец подошел к Саше. — Повторяем. Джаспер: «Ты же друг». Саша, твой ответ должен быть таким: «Именно потому, что я друг, я не дам тебе списать. Я не хочу, чтобы ты провалил контрольную. Но я могу объяснить тебе тему».

— Ого, — выдохнул Саша. — Жестко. Но справедливо.

— Это называется «Ассертивность», — сказал Штолец. — Умение сказать «НЕТ», не чувствуя вины. Запомните фразу-щит: «Я понимаю, что ты хочешь, но мне это не подходит».

Он посмотрел на класс, задержав взгляд на Далии. — Никто не имеет права требовать от вас жертв. Ни друзья, ни родители, ни... — он сделал паузу, — те, кто называет себя вашими королями. Любовь — это обмен, а не грабеж.

Звонок прозвенел, как всегда, не вовремя. Но на этот раз никто не вскочил. Класс сидел, переваривая услышанное.

Кайден медленно поднялся. Он выглядел спокойным, но Лея видела: внутри него бушевала буря. Штолец давал его жертвам оружие.

— Спасибо за урок, мистер Штолец, — сказал Кайден, проходя мимо учительского стола. — Очень... познавательно. Теория — это прекрасно. Посмотрим, как она работает на практике.

Он повернулся к Далии. — Идем, принцесса. У нас еще есть дела.

Далия послушно встала. Она улыбалась, но Лея видела: в её глазах, за пеленой розового тумана, метался крошечный, испуганный огонек. Она слышала Штольца. Она всё поняла. Но поводок был слишком крепким.

Пока.

Когда они вышли, Саша повернулся к Лее и Мире. — Слушайте, — шепнул он. — А этот Штольц... он крутой. Может, нам его в нашу банду взять?

— Он уже в ней, — тихо ответила Мира, поправляя очки. — Статистически, он наш единственный взрослый союзник.

Лея кивнула. Она смотрела на доску, где было написано слово «НЕТ». Такое короткое слово. И такое трудное.

Сможет ли она сказать его отцу? Сможет ли Далия сказать его Кайдену?

Время покажет. А пока — они учились. Учились видеть невидимые нити и перерезать их.

МАСТЕР-КЛАСС ПО УСПЕШНОМУ УСПЕХУ И РЕМОНТ РЕАЛЬНОСТИ

Когда Лея, Саша и Мира вышли из класса, коридор встретил их гулом, похожим на звук работающей турбины. Это был звук «социального нетворкинга» на перемене.

Они поднялись на первый этаж, где воздух сразу сменился с сырого подвального на при-торно-лавандовый. Здесь, у широких окон, оккупировав подоконники, расположилась Элита из 7-А.

В центре, как всегда, была Эрика. Рядом с ней, скрестив руки на груди и сияя отполированными пуговицами пиджака, стоял Марк. Вокруг них плотным кольцом собралась свита из V2, жадно ловящая каждое слово.

— Главное правило вирусного охвата, — вещала Эрика, жестикулируя так активно, словно дирижировала невидимым оркестром, — это агрессивная визуализация. Если у тебя нет ресурса, ты должен выглядеть так, будто он у тебя есть. Люди лайкают не тебя. Люди лайкают свою мечту о себе.

Марк важно кивнул. — Точно. Вот, например, вчера я запостил сторис с пустой чашкой кофе из «Gold Bean». Самого кофе там не было, я просто взял стаканчик из мусорки... то есть, у друга. Но подписал: «Утро начинается с инвестиций в себя». Итог: плюс пятьдесят баллов за час.

Толпа восхищенно зашумела. Кто-то быстро записывал лайфхак в заметки.

Лея остановилась. Она видела не «успешных коучей». Она видела двух испуганных детей. На плече Эрики сидела огромная, жирная Зеленая Жаба зависти, которая душила её каждый раз, когда кто-то проходил мимо с более дорогим телефоном. А вокруг Марка вилось серое облако пустоты. Он учил других казаться, потому что сам забыл, как быть.

— «Инвестиции в себя» через помойку, — прокомментировал Саша достаточно громко, чтобы слышали только свои. — Это сильно. Интересно, а если я сфоткаюсь с коробкой от холодильника, мне дадут ипотеку?

Мира поправила очки, сканируя толпу. — Статистически, 85% слушателей сейчас испытывают комплекс неполноценности. Эрика и Марк продают им не успех, а обезболивающее для самооценки. Это классическая схема пирамиды, только вместо денег — эмоции.

— Пойдемте отсюда, — тихо сказала Лея. — Здесь дышать нечем. Слишком много... пластика.

Они свернули к лестнице, ведущей вниз. Обратно в их «бункер».

Контраст был резким, как пощечина. Стоило спуститься на цокольный этаж, как лаванда сменилась запахом мокрого бетона и старой бумаги.

Но здесь было то, чего не было наверху. Здесь можно было расслабить плечи.

За первой партой у стены сидели Близнецы. Ян и Яна Вайс. Они не доставали телефоны. Они синхронно, с выражением брезгливого интереса, рассматривали огромный кусок штукатурки, который отвалился от стены и теперь лежал на полу, как мертвая медуза.

— Это неэстетично, — произнес Ян, не поднимая головы. — Это нарушает визуальную гигиену, — добавила Яна.

Саша плюхнулся на свой стул, закинув ноги на парту (здесь это не возбранялось, если не видел Штольц). — Добро пожаловать в реальный мир, Ваше Ледяное Величество. Это называется «гранж». Стиль такой. Очень модно в подземельях.

Ян медленно повернул голову. Его глаза, прозрачно-голубые, как первый лед, скользнули по Саше без всякого раздражения. — Гранж подразумевает стиль. А это... — он обвел рукой облупленные стены, — это энтропия. Хаос. Распад материи.

— И это влияет на когнитивные способности, — подхватила Яна. — В такой среде мозг тратит 30% ресурса на подавление визуального шума. Мы не можем работать в условиях низкой эффективности.

— И что вы предлагаете? — спросила Мира, доставая свой ноутбук. — Написать жалобу в Департамент Ресурсов? Статистически, ответ придет через восемь месяцев. И он будет отрицательным.

Ян и Яна переглянулись. Лея увидела, как между ними проскочила искра — холодная, белая вспышка телепатической связи.

— Мы не пишем жалобы, — сказал Ян. — Мы решаем проблемы. — Мы предлагаем оптимизацию, — закончила Яна.

Они встали одновременно. — Наши родители... — начал Ян, слегка поморщившись, словно слово «родители» было кислым на вкус. — Они владеют долей в строительном холдинге. У них на складах есть избыток материалов. Краска. Грунтовка. Инструменты.

— Списать это как «благотворительную помощь проблемным слоям населения» для них выгодно, — продолжила Яна сухим тоном экономиста. — Налоговый вычет. Плюс рейтинг «Щедрость».

— Они дадут материалы, — подытожил Ян. — Но они не дадут рабочих. Рабочие — это мы.

В классе повисла тишина. Саша даже ноги с парты убрал. — Вы? — он фыркнул. — Вы будете красить стены? В этих ваших... рубашках за тысячу баллов? Я бы купил билет на это шоу.

— Мы умеем работать руками, Рыжий, — холодно ответила Яна. — Хирургия требует твердой руки. Ремонт — тоже.

— Это... хорошая идея, — подала голос Лея. Она вдруг увидела этот класс не таким, какой он есть, а таким, каким он может быть. Без зеленых стен. Светлым. Своим. — Если мы сделаем это сами... Система не сможет это отобрать. Это будет наше место. Крепость.

— Логистику я беру на себя, — тут же включилась Мира. Её пальцы уже летали по клавиатуре. — Расчет площади стен, расход краски, график смен. Если мы разделим задачи по компетенциям...

— Я могу таскать тяжелое, — басом сказал Бруно Штарк с задней парты. — И шпатлевать. Я помогал отцу в гараже.

— А я нарисую эскиз! — Таня Волкова выглянула из-за своего черного скетчбука. — Только чур, никаких розовых пони. Давайте сделаем что-то... эпичное. Звездное небо на потолке?

— Согласовано, — кивнул Ян. — Завтра после уроков. Мы обеспечим доставку.

— А я обеспечу музыку, — вставил Оливер Петерсон, снимая один наушник. — Чтобы не слышать, как старая штукатурка жалуется на жизнь.

Лея посмотрела на Близнецов. Они стояли прямые, холодные, безупречные. Они не улыбались. Они не пытались казаться «добренькими». Для них это было просто устранение дефекта реальности. Но вокруг них Лея видела свечение — ровный, уверенный Белый Свет. Свет созидания.

Они не просто хотели перекрасить стены. Они хотели укрепить фундамент.

— Эй, Лея, — шепнул Саша, толкая Лею локтем. — Представляешь лицо Кайдена, когда он увидит Яна Вайса с валиком в руках? У него же шаблон треснет.

Лея улыбнулась. — Пусть трещит. Нам как раз нужен материал для заделки щелей.

Класс 7-С, этот бункер для «бракованных» детей, готовился к трансформации. Они не могли изменить город наверху. Но они могли изменить свой подвал. И это было началом чего-то большего.

ТЕОРИЯ СТРУН И ПРАКТИКА ПОБЕГА

Дверь снова открылась, впуская в класс аромат «успешной жизни» и двух её представителей.

Кайден вошел первым, придерживая дверь для Далии. Он выглядел так, словно только что подписал контракт на владение половиной мира. Далия шла следом. Её щеки порозовели, глаза блестели, и она улыбалась той особенной, немного рассеянной улыбкой человека, которому только что объяснили, почему он должен быть счастлив.

Лея посмотрела на неё своим «истинным» зрением.

Далия действительно думала, что она счастлива. Вокруг неё порхали крошечные, полупрозрачные мотыльки надежды. Но Лея видела: серебряная цепь, тянущаяся от шеи Далии к руке Кайдена, стала короче. Раньше она позволяла ей отойти на пару метров. Теперь Кайден держал её на «коротком поводке». И самое страшное — Далия принимала натяжение цепи за поддержку. «Он держит меня, чтобы я не упала», — думала она, не понимая, что он держит её, чтобы она не ушла.

— Мы ничего не пропустили? — легко спросил Кайден, проходя к своему месту.

— Только начало революции, — буркнул Саша, не поднимая головы от рюкзака. — И запись в стройотряд.

— Стройотряд? — Кайден изящно опустился на стул, стряхнув невидимую пылинку с рукава.

— Мы будем делать ремонт, — сказала Мира Коваль, сверяясь с графиком на планшете. — Родители Яна и Яны предоставляют материалы. Завтра после уроков. Общий сбор. Явка обязательна для всех членов команды 7-С.

Кайден даже не моргнул. Его лицо выразило идеальную смесь сожаления и восхищения.

— Какая... похвальная инициатива, — произнес он бархатным голосом. — Создавать уют своими руками — это так... заземляет. Я бы с радостью присоединился и испачкал этот пиджак краской ради общего дела. Но, увы... — он развел руками. — Завтра у меня встреча с кураторами из Совета. Мы обсуждаем гранты для одаренной молодежи. Я не могу пропустить шанс выбить финансирование для школы. Это ведь тоже помощь, верно?

Мира нахмурилась, пытаясь найти логическую ошибку, но Кайден уже повернулся к Далии.

Далия, услышав про ремонт, загорелась. Ей вдруг захотелось сделать что-то настоящее. Не для рейтинга. Просто покрасить стену. Оставить след. — Я могу прийти! — начала она. — Я умею...

Кайден мягко накрыл её руку своей. Его касание было легким, но Лея увидела, как серебряная цепь дернулась, заставляя Далию замолчать.

— Принцесса, — тихо, но так, чтобы слышали все, сказал он с нежной улыбкой. — Посмотри на свои руки. — Он поднял её ладонь, демонстрируя идеальный маникюр. — Они созданы для искусства, для... тонкой работы. — Он сделал паузу, намекая на её вышивку, о которой знал только он (и которую презирал, но использовал). — Зачем тебе дышать строительной пылью и портить кожу химикатами? Ты же вдохновитель. Твоя задача — сиять и мотивировать.

вировать нас, простых смертных. Оставь тяжелую работу тем, кто... — его взгляд на секунду скользнул по Бруно и Саше, — ...привык к ней.

Аура Далии дрогнула. Золотое свечение померкло. Она посмотрела на свои руки. «Он прав. Я же Королева. Королевы не красят стены». — Да... — её голос стал тише. — Ты прав. У меня... у меня тоже дела. Репетитор.

Лея сжала кулаки под партой. Это было виртуозно. Он не запретил. Он просто заставил её поверить, что труд — это «не для неё», одновременно возвысив её и отрезав от команды.

— Слабаки, — кашлянул Саша, но в этот момент в класс вошел Учитель Соломон.

Он не ворвался, как буря, и не всплыл, как айсберг. Он просто появился, и класс сразу наполнился запахом старых книг, трубочного табака и чего-то неуловимого — может быть, запахом осеннего леса после дождя.

Соломон был здесь не первый день, но каждый раз его появление вызывало странное чувство: будто время замедлялось. Его твидовый пиджак с заплатками на локтях казался уютнее любого модного бренда, а в глазах цвета старого пергамента светилась такая древняя, спокойная мудрость, что хотелось сразу рассказать ему всё и попросить горячего чая.

— Добрый день, — его голос был тихим, но его услышали даже на галерке. — Вижу, воздух здесь наэлектризован. Надеюсь, это энергия созидания, а не статического электричества от синтетики.

Он положил на стол потрепанный томик.

— Сегодня мы поговорим о том, что делает группу людей — обществом, а толпу — командой. О взаимопомощи. — Соломон обвел класс взглядом. — В Древнем мире говорили: «Одна рука моет другую, и обе чисты». В нашем мире принято говорить: «Каждый сам за себя». Как вы думаете, какая стратегия выигрышная на длинной дистанции?

— Та, где у тебя больше ресурсов, — тут же ответил Кайден, откидываясь на спинку стула. — Взаимопомощь — это налог на успешных в пользу слабых.

Соломон улыбнулся в бороду. — Интересная точка зрения. Математическая. Но давайте представим ситуацию...

В это время Саша, который всё ещё переживал из-за своего кошмара и рисунка Тани, решил незаметно переложить учебники в рюкзаке. Он полез рукой на дно сумки, пытаясь нащупать тетрадь по этике. Пальцы зацепились за плотную бумагу скетчбука. Он дернул слишком резко.

Рюкзак соскользнул со стула и с грохотом упал на пол. Из него веером вылетели тетради, ручки и... тот самый скомканный лист.

Рисунок Тани Волковой упал прямо в проход. Лицевой стороной вверх.

На черно-белом листе, нарисованное углем так реалистично, что казалось живым, скалилось Нечто. Огромная, бесформенная Тень с пастью, полной тьмы, гналась за маленьким рыжим мальчиком. Монстр не был похож на детские страшилки. Он был похож на Пожирателя. Того самого, о котором шептали городские легенды и которого они видели в Изнанке.

В классе повисла тишина.

Соломон, который медленно прохаживался между рядами, остановился. Он наклонился и, прежде чем Саша успел схватить лист, поднял рисунок.

Лея замерла. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Он увидит. Он поймет.

Соломон долго смотрел на рисунок. Его лицо оставалось спокойным, но Лея (как Эмпат) увидела, как его аура — обычно прозрачная, как вода — вдруг пошла рябью. Словно камень бросили в глубокий колодец. Он узнал это существо.

— Интересная... аллегория, — медленно произнес Соломон, поднимая глаза на Сашу. — Очень детальная. Александр, что это?

Саша вскочил, красный как рак. Его руки дрожали. — Это... Это... — он лихорадочно искал оправдание. Сказать правду? «Это монстр из моего сна, который живет в параллельном мире»? Ага, и привет, палата номер шесть.

— Это концепт-арт! — выпалил Саша. — Для игры. Мы с Таней... э-э... разрабатываем игру. Хоррор. «Побег от Дедлайна». Вот это — Дедлайн. Видите, какой страшный? Он питается прокрастинацией.

Класс нервно хихикнул.

— Да, — быстро подхватила Мира Коваль, понимая, что Саша тонет. — Статистически, визуализация страхов помогает снизить уровень кортизола. Это арт-терапия. Мы все рисуем... метафоры.

— Метафоры, — повторил Соломон. Он не улыбался. Он смотрел не на Сашу и не на Миру.

Он посмотрел на Маркуса Айрона.

Маркус сидел, вцепившись в край парты так, что побелели костяшки. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок. Физическая тошнота от концентрации лжи в комнате подкатила к горлу. Саша врал. Мира врала. Весь класс молча поддерживал эту ложь. Для Маркуса это было как удар под дых.

Он зажмурился и мотнул головой, пытаясь сдержать рвотный позыв.

Глаза Соломона сузились. Он перевел взгляд с позеленевшего Маркуса обратно на рисунок, а потом — на Сашу. В его взгляде не было осуждения. Там было... понимание. И тревога.

— «Побег от Дедлайна», — повторил он мягко. — Что ж. Метафора действительно мощная. Иногда наши внутренние тени принимают пугающие формы, чтобы мы обратили на них внимание.

Он аккуратно положил рисунок на парту Саши.

— Но помните: от Дедлайна, как и от Тени, нельзя убежать. С ним можно только... договориться. Или встретиться лицом к лицу.

Он вернулся к учительскому столу. Аура вокруг него успокоилась, но стала плотнее.

— Александр, — сказал он, открывая журнал. — После урока задержись на минуту. Я бы хотел обсудить... сценарий вашей игры. У меня есть пара мыслей по поводу... сюжетных арок.

Саша сглотнул и кивнул. Лея встретила взглядом с Мирой. «Он знает», — читалось в глазах аналитика. «Или догадывается».

Урок продолжился, но теперь каждое слово Соломона о взаимопомощи звучало иначе. Не как абстрактная этика. А как инструкция по выживанию в мире, где тени умеют кусаться.

Кайдэн, сидевший впереди, лениво чертил что-то в блокноте, не обращая внимания на переполох. Для него монстры были сказкой для бедных. Он не знал, что настоящие монстры не прячутся под кроватью. Они носят дорогие костюмы и пьют горячий шоколад.

ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО И ЭФФЕКТ БУМЕРАНГА

Соломон вернулся к доске, на которой всё еще висел немой вопрос о монстре из «игры». Он стер слово «НЕТ» и нарисовал квадрат, разделенный на четыре части.

— Чтобы закрыть тему выживания в коллективе, — произнес он, отряхивая руки от мела, — я хочу познакомить вас с одной старой, как мир, математической задачей. Она называется «Дилемма Заключенного».

Класс притих. Слово «заключенный» в этом городе звучало не как метафора, а как прогноз погоды.

— Представьте, — начал Соломон, — что двоих людей поймали за... скажем, нелегальное использование магии. Их рассадили по разным камерам. У следователя нет прямых улик, только косвенные. И он предлагает каждому сделку.

Он написал в квадратах условия:

Если ОБА молчат (доверяют друг другу) — оба получают по 1 месяцу тюрьмы (за мелкое хулиганство).

Если ОДИН предает (сдаст другого), а второй молчит — предатель выходит на свободу (0 лет), а молчун садится на 10 лет.

Если ОБА предают друг друга — оба садятся на 5 лет.

— Внимание, вопрос, — Соломон обернулся. — Чисто математически, что выгоднее всего сделать лично для себя?

— Предать, — мгновенно ответил Кайден. Он даже не смотрел на доску, он смотрел на свой маникюр. — Если ты предашь, ты либо выйдешь сухим из воды, либо получишь 5 лет. Если будешь молчать — рискуешь сесть на 10. Математика не знает жалости. Предательство — доминирующая стратегия.

Мира Коваль нахмурилась, глядя на цифры. — Статистически... он прав. Рациональный эгоист всегда выберет предательство, чтобы минимизировать личные риски.

— Именно, — кивнул Соломон. — И в этом трагедия "рациональных эгоистов". Посмотрите на схему. Если оба будут думать "рационально" и предадут — они оба сядут на 5 лет. А если бы они доверились друг другу и промолчали — отделались бы месяцем.

Он обвел квадрат с надписью «ДОВЕРИЕ».

— Парадокс в том, что коллективное доверие выгоднее личной выгоды. Эволюция доказала: выживают не самые сильные одиночки. Выживают те группы, которые научились не предавать друг друга, даже когда никто не видит.

Он посмотрел прямо на Кайдена. — Предательство дает выигрыш только в короткой игре (один раз). Но жизнь — это длинная игра. Если вы предали один раз, с вами больше никто не сядет играть. И в следующий раз, когда вам понадобится помощь... вы получите свои 10 лет одиночества.

Кайден лишь усмехнулся, но Лея увидела, как вокруг него сгустилась холодная серая дымка. Он не верил. Для него люди были одноразовыми стаканчиками: использовал — выбросил — взял нового.

Звонок прозвенел, разрезая напряжение.

— Урок окончен, — сказал Соломон. — Домашнее задание: сделайте что-то для другого человека, что не принесет вам никакой выгоды. И посмотрите, как это изменит ваш день. Александр, задержись.

Класс зашумел, собирая вещи.

Коридор. Зона «Холодного Фронта»

Кайден вышел из класса одним из первых, но не пошел к выходу. Он направился напрямик к подоконнику, где, с идеальной осанкой, стояли Близнецы Вайс, надевая свои безупречные пальто.

Кайден поправил галстук. Ему нужно было восстановить баланс. Штольц и Соломон пытались расшатать его авторитет, но он знал, где лежит настоящая сила. В ресурсах.

— Ян, Яна, — он подошел к ним с самой обаятельной из своих улыбок (той, что стоила 500 баллов). — Насчет завтрашнего... мероприятия. Этот ремонт.

Ян медленно застегнул пуговицу на пальто. Яна поправила перчатку. Они смотрели на него как на пустое место, которое почему-то издает звуки.

— Мы слушаем, — холодно произнесла Яна.

— Я подумал, — Кайден понизил голос до доверительного шепота, — что вам, как и мне, не с руки возиться в пыли с... этими. — Он кивнул в сторону двери класса, откуда выходили остальные. — Это популизм. Игра в демократию. Я предлагаю альтернативу. У моего отца есть связи в Департаменте Архитектуры. Мы можем нанять профессиональную бригаду. Они

сделают всё за ночь. А мы просто припишем заслуги себе. Эффективно, чисто, статусно. Как мы любим.

Это было предложение альянса. "Мы — элита, давайте держаться вместе против черни". Близнецы переглянулись.

— "Как мы любим"? — переспросил Ян, и в его голосе звякнул металл. — Ты ошибаешься в терминологии, Росс.

— Мы любим создавать, — сказала Яна. — А ты любишь присваивать.

— И еще, — Ян сделал шаг вперед, нарушая личное пространство Кайдена. Его ледяные глаза смотрели прямо в душу (которой, как подозревала Лея, там не было). — Мы слышали твою угрозу. "Сжечь нас". Помнишь?

Улыбка Кайдена застыла, превратившись в гримасу. — Я... это была фигура речи...

— Плохая фигура, — отрезала Яна. — Мы — Эмберы. Мы — огонь, который застыл во льду. Если ты попытаешься нас поджечь, ты просто утонешь в том, что оттает.

— Мы не заключаем сделок с посредниками, — резюмировал Ян. — Отойди. Ты загораживаешь свет.

Они синхронно обошли его и направились к лестнице, оставив Кайдена стоять посреди коридора. Его лицо пошло красными пятнами. Зеркальная аура потемнела, превратившись в черную дыру. Он был унижен. Снова. И на этот раз он этого не простит.

В классе. Разговор о Тенях

В опустевшем классе повисла тишина, тяжелая, как могильная плита.

Саша стоял у первой парты, комкая ляжку рюкзака. Ему хотелось исчезнуть. Провалиться сквозь пол. Стать невидимкой, как Вера.

Соломон сидел за столом, вертя в руках тот самый рисунок. Угольный монстр скалился с бумаги.

— Александр, — наконец произнес учитель. — Я не буду спрашивать тебя про игру. Я слишком стар, чтобы верить в сказки про дедлайны, которые имеют форму... — он постучал пальцем по рисунку, — ...Пожирателей.

Саша вздрогнул. — Откуда вы знаете это название?

Соломон поднял на него глаза цвета старого пергамента. В них не было угрозы. Только бесконечная, древняя печаль. — Я преподаю этику, Саша. А этика — это наука о добре и зле. Нельзя изучать свет, не зная, как выглядит тьма.

Он встал и подошел к окну, за которым виднелись лишь ботинки прохожих. — Тот, кто нарисовал это... Тая, верно? Она обладает редким даром. Видеть суть. Но ты... — он повернулся к Саше. — Ты реагировал не как зритель. Ты реагировал как свидетель.

Саша молчал. Сердце колотилось в горле.

— Иногда нам снятся сны, Саша, — голос Соломона стал тише, почти шепотом. — Которые не являются снами. Иногда мы теряем что-то, что нельзя потерять. И память об этом болит, как фантомная конечность.

Саша судорожно вздохнул. Этот старик... он говорил о ком-то знакомом... Он знал. Или чувствовал.

— Если ты... или кто-то из твоих друзей... — Соломон внимательно посмотрел на дверь, за которой, он знал, стояли Лея и Мира. — Столкнется с такой Тенью по-настоящему... Знайте: страх — это их пища. Но у страха есть противоядие.

— Какое? — хрипло спросил Саша.

— Имя, — ответил Соломон. — У всего есть имя. Даже у монстров. Когда ты называешь тьму по имени, она перестает быть бесконечной. Она становится просто... объектом. А с объектом можно бороться.

Он протянул рисунок Саше. — Возьми. И скажи Тане, что у неё талант. Но в следующий раз пусть рисует при свете. Темнота имеет свойство... вглядываться в нас в ответ.

Саша схватил рисунок, буркнул «спасибо» и пулей вылетел из класса.

Коридор. Подслушано

Саша вывалился в коридор и тут же наткнулся на стену из трех девичьих спин.

Лея, Мира и... Далия стояли у двери, делая вид, что изучают расписание факультативов.

— Вы подслушивали? — выдохнул Саша, прижимая рисунок к груди.

— Мы осуществляли аудиальный мониторинг ситуации для обеспечения безопасности, — невозмутимо ответила Мира.

— Короче, грели уши, — перевела Далия. Она выглядела странно. Серебряная цепь всё еще была на ней (Лея её видела), но после урока и сцены с рисунком она немного провисла. Кайден ушел, обиженный отказом Близнецов, и, видимо, забыл дернуть за поводок напоследок.

— Он знает, — сказала Лея, глядя на Сашу своими огромными серыми глазами. — Соломон знает про Изнанку.

— Он сказал про Имя, — прошептал Саша. — «Назови тьму по имени».

— Пожиратель, — тихо произнесла Лея.

Саша вздрогнул, как от удара током. — Не произноси это здесь! — шикнул он, озираясь. — Стены слышат.

— Саш, — Далия вдруг шагнула к нему. В её голосе не было привычного высокомерия. — Тот рисунок... Это ведь не игра, да?

Саша посмотрел на неё. На бывшую королеву, которая теперь была просто напуганной девочкой в дорогой одежде. — Нет, принцесса. Это не игра. Это жизнь. И она, как выяснилось, в жанре хоррор.

— Статистически, жанр можно сменить, — заметила Мира. — Если добавить в хоррор достаточное количество абсурда и командной работы, он превращается в приключенческий боевик.

Саша криво усмехнулся. — Ну, раз наш "Мозг" так считает... Ладно. Идемте. У нас завтра ремонт. И мне нужно придумать, как не покрасить себя вместо стены.

Они пошли по коридору — странная компания из четырех "неудачников", которые на самом деле были единственной надеждой этого города.

А за углом, в тени колонны, стоял Кайден Росс. Его лицо было искажено холодной яростью. Он слышал не всё, но достаточно. «Ремонт... Команда... Соломон...» — Значит, играем в спасителей? — прошептал он. — Что ж. Посмотрим, как вы спасете то, что я сломаю.

Он достал телефон и открыл «Теневые Грани». Его пальцы быстро набрали сообщение анонимному боту. Война началась.

Хроники Оттепели: Танцы с Валиками и Парты с Подвохом

Январь — Март. Режим ускоренной перемотки.

Если бы жизнь класса 7-С была сериалом, то следующие три месяца сценаристы пустили бы в режиме быстрой нарезки под бодрящую инди-музыку.

Снег в Лонглайне таял неохотно, превращаясь в серую кашу, но в «Яркой Жизни» уже вовсю цвела цифровая весна.

Кадр 1: Профиль Далии. Она и Кайден на открытии новой галереи современного искусства (где картины представляли собой пустые белые холсты с ценниками). Они держатся за руки. Идеальные улыбки. Подпись: «Искусство видеть невидимое. #PowerCouple #V1». Лайки: 12 543. Лея видит: Далия улыбается, но её пальцы так сильно сжимают локоть Кайдена, что костяшки побелели. Страх потерять равновесие.

Кадр 2: Городская библиотека. Тишина, пахнущая пылью и знаниями. За дальним столом, заваленным энциклопедиями, сидят Мира и Ричард. Они не разговаривают. Они читают. Но иногда Ричард пододвигает Мире пакетик с орешками, даже не отрывая глаз от страницы.

А Мира, вычисляя вероятность того, что это миндаль, едва заметно краснеет. Это был самый громкий роман в истории тишины.

Кадр 3: Квартира Леи. Эмилия считает счета. Долг в 50 000 висит над ними, как Дамоклов меч, но Эмилия больше не плачет по ночам. Она злится. А злость — это топливо. Она берет третью подработку.

Апрель. Настоящее время.

— У меня ноль, — объявила Лея, вытряхивая на парту содержимое своего кошелька. Оттуда выпала одинокая скрепка и чек из супермаркета трехмесячной давности. — Точнее, ноль целых, ноль десятых. А у мамы послезавтра день рождения.

Саша, который в этот момент пытался балансировать стулом на одной ножке, с грохотом приземлился. — Ну, ты можешь подарить ей свое примерное поведение. Хотя нет, это слишком дорого. Может, подаришь ей тишину? Я бы дорого заплатил, чтобы моя бабушка помолчала хотя бы час во время прямого эфира.

— Саш, я серьезно, — Лея вздохнула. — Она работает на износ. Я хотела купить ей сертификат в СПА, но... — она развела руками. — Моего бюджета хватит только на мыло. Хозяйственное.

— Бюджет — это ограничивающее убеждение! — раздался звонкий голос.

К парте подлетела Елена Мартинес. Вокруг неё, как всегда, кружились невидимые солнечные зайчики, хотя в подвале солнца не было с момента постройки школы. — Подарок не должен стоить денег, Лея! Он должен стоить эмоций!

— Елена, — осторожно заметила Мира, не отрываясь от ноутбука. — Статистически, люди предпочитают подарки, которые можно использовать. Или продать.

— Скучотища! — отмахнулась Елена. — Эмилии нужна энергия! Ей нужно напоминание, что она живая! Лея, мы сделаем флешмоб!

— Что? — хором спросили Саша и Лея.

— Танец! — глаза Елены загорелись так, что можно было отключить электричество в классе. — Мы выучим танец. Все вместе. Весь класс! Мы встретим её после работы, прямо у школы, и... БАМ! Музыка, драйв, любовь! Это будет легендарно!

— Я не танцую, — тут же отрезал Ян Вайс, не поворачивая головы. — Это нерациональная трата калорий. — И это выглядит глупо, — добавила Яна.

— Ой, да ладно вам! — Елена уже была в режиме «Генератор Идей». — Это не балет! Это будет... уличный стиль! С элементами стройки! Мы же как раз ремонт начинаем! Совместим полезное с полезным!

И самое удивительное — она их уговорила. Не логикой. А тем самым теплом, против которого не мог устоять даже лед Близнецов.

Операция «Ремонт и Ритм»

Следующие пять дней подвал школы превратился в филиал сумасшедшего дома, скрепленного с бродвейским шоу.

— Раз-два-три, покрасили! Раз-два-три, поворот! — командовала Елена, стоя на учительском столе (Штольц тактично вышел, сделав вид, что ему срочно нужно в библиотеку).

Это было странно. Это было шумно. Но это было... здорово.

Дядя Ваня, школьный сторож — суровый старик в синем комбинезоне, который обычно гонял учеников шваброй, — вдруг оказался ценнейшим союзником. Он притащил из своей каморки настоящие профессиональные валики, стремянку, которая помнила еще основание города, и старый кассетный магнитофон.

— Не так держишь, салага! — ворчал он на Сашу, который пытался красить стену и танцевать брейк одновременно. — Кисть должна быть продолжением руки, а не пропеллером!

— Дядя Ваня, я художник, я так вижу! — оправдывался Саша, у которого нос уже был в белой грунтовке.

— Художник от слова «худо», — хмыкал сторож, но тут же показывал, как правильно раскатывать краску, чтобы не было полос.

Лея работала рядом с Мирой. Они шпатлевали трещины. Мира рассчитывала количество смеси по формуле, а Лея просто замазывала «раны» стен, представляя, что лечит этот класс.

— Знаешь, — тихо сказала Мира, разравнивая шпателем серую массу. — В этом есть логика. Мы чиним стены — стены защищают нас. Взаимная выгода.

— Мы делаем дом, — исправила её Лея. — Это другое.

В углу Близнецы Вайс, закатав рукава своих дорогих рубашек (и надев защитные перчатки, конечно), красили оконные рамы. Они работали молча, синхронно, как два робота-манипулятора. Ни одной лишней капли. Ни одного лишнего движения. Идеально.

Даже Вера Фрост вышла из тени. Она подавала инструменты и тихонько подпевала музыке.

К 9 апреля класс изменился. Унылый зеленый цвет исчез. Теперь стены были теплого, сливочного оттенка («Цвет утреннего тумана», как назвала его Таня Волкова). На задней стене Таня и Николай нарисовали огромную схему созвездий, где звезды были соединены не линиями, а нарисованными нитями.

День X. 9 Апреля.

Эмилия вышла из школы уставшая. Рейтинг за день не изменился, но спина болела так, будто она таскала камни, а не учила детей литературе. Она поправила тяжелую сумку и уже собиралась идти на остановку, когда...

Заиграла музыка.

Не из наушников. Громко, на весь двор. Ритмичный, зажигательный бит 80-х.

Из-за угла школы выскочил Саша. Он сделал колесо (почти удачно) и замер в позе звезды. Следом выбежала Елена, хлопая в ладоши. Потом — Бруно и Зоя. Потом — весь класс 7-С.

Эмилия замерла, прижав сумку к груди.

Они танцевали. Это не было профессионально. Саша путал ноги, Ричард считал вслух («Раз-и-два-и!»), а Близнецы двигались слишком механически. Но в этом было столько жизни, столько энергии, что воздух вокруг начал искриться.

Лея вышла в центр. Она не танцевала — она просто шла к маме, улыбаясь. Но за её спиной класс двигался как единый организм.

— С днем рождения, мам! — крикнула Лея.

Эмилия смотрела на них. На этих «дефектных» детей, которых списала Система. На свою дочь, которая сияла ярче любого Эмбера, хотя её рейтинг был нулевым.

Синий камень в груди Эмилии треснул. Слезы потекли по её щекам — не те «красивые слезы», которые разрешала «V-Life», а настоящие, горячие, смывающие тушь и усталость.

— Вы... вы сумасшедшие, — прошептала она, улыбаясь сквозь слезы.

Дядя Ваня, наблюдавший за этим с крыльца, крикнул и вытер глаза грязным платком. — Ну, дают молодежь. Артисты.

Финал: Парты с подвохом

На следующий день класс сиял. Свежая краска, чистые окна, запах чистоты и победы. Ученики сидели на старых стульях, но чувствовали себя королями в своем замке. Они сделали это сами.

Дверь распахнулась.

На пороге стояли Кайдэн и Далия. За ними — два грузчика (Теневые, в серой униформе), которые тащили огромные коробки.

Кайдэн оглядел светлые стены. Его лицо на секунду скривилось, как будто он унюхал что-то неприятное (запах чужого успеха), но тут же разгладилось.

— Неплохо, — бросил он снисходительно. — Чистенько. Но чего-то не хватает.

Он щелкнул пальцами. Грузчики начали распаковывать коробки.

Это были парты. Новые. Эргономичные. С встроенными зарядками для телефонов и подсветкой. Дорогие.

— Мы с Далией подумали, — громко объявил Кайден, выходя на середину класса (как на сцену). — Что ремонт — это хорошо. Но комфорт — это статус. Моя семья... то есть, семья Далии, конечно, при моем скромном организационном участии... решила сделать вам подарок.

Он обнял Далию за плечи. Далия улыбалась, но Лея видела: она смущена. Она хотела просто помочь, просто компенсировать своё отсутствие. Но Кайден превращал это в шоу.

— Новые парты для класса 7-С! — провозгласил Кайден. — Потому что даже в подвале можно жить красиво. Если знать правильных людей.

Он достал телефон. — А теперь — фото для отчета в Попечительский Совет. И для «V-Life», конечно. Все улыбаемся! Далия, детка, встань ближе к партам. Чтобы был виден логотип производителя.

Он делал селфи. Он снимал сторис. «Благотворительность — это стиль жизни. Помогаем тем, кто не может позволить себе лучшее. #Меценат #7С #НоваяЖизнь».

Лея смотрела на это. Она видела разницу.

Ремонт, который они делали несколько дней, с шутками, ссорами, пиццей на полу и помощью дяди Вани — он светился Теплым Золотым Светом. Это была вложенная душа.

Парты, которые привезли грузчики, были холодными. Они светились Мертвым Неоном. Это был откуп.

— Знаешь, — шепнул Саша, глядя, как Кайден выбирает фильтр для фото. — Парты удобные. Но сидеть за ними я буду с таким лицом, будто мне подложили кнопку.

— Бери, — тихо сказала Мира. — Статистически, мы в выигрыше. У нас есть стены, которые мы любим, и парты, которые нам купили. Мы использовали ресурсы системы против неё самой.

— А Кайден? — спросила Лея.

— А Кайден, — Мира поправила очки, — купил себе рейтинг за деньги родителей Далии. Инфляция совести, Лея. Обычное дело.

Лея посмотрела на Далию. Та стояла рядом с сияющей партой, улыбаясь в камеру Кайдена. Но Лея видела: Золотая Птица радости над головой Далии была привязана леской. И леска эта натянута до предела.

Они победили в ремонте. Но они проигрывали Далию. И с этим надо было что-то делать.

Эффект Кобры и Розовая Бумажка Судьбы

Урок Критического Мышления

Класс 7-С теперь выглядел иначе. Стены цвета «утреннего тумана» (спасибо Тане) делали подвал визуально шире, а на задней стене, вместо скучных правил поведения, сияла карта созвездий, соединенных нарисованными нитями.

Штольц вошел в класс, огляделся и впервые за полгода его густые брови не нахмурились, а удивленно приподнялись. — Любопытно, — произнес он. — Вы не стали замазывать трещины, вы вписали их в карту звездного неба. Это... метафорично.

Он прошел к доске. — Сегодня мы поговорим о том, почему благие намерения Системы часто ведут в ад. Тема урока: «Эффект Кобры».

Он нарисовал змею. Схематично, но узнаваемо. — Историческая справка. В колониальной Индии развелось слишком много кобр. Правительство решило: «Будем платить людям за каждую мертвую змею». Логично?

— Логично, — кивнула Мира Коваль. — Стимуляция активности через вознаграждение.

— А теперь вопрос, — Штольц прищурился. — Что начали делать предприимчивые граждане, чтобы заработать больше денег?

— Ловить больше змей? — предположил Бруно.

— Слишком честно для человечества, — усмехнулся Саша. — Я бы начал их разводить. Ферма змей. Бизнес-план «Яд и Деньги».

— Бинго, Новак! — Штольц щелкнул пальцами. — Люди начали выращивать кобр дома, чтобы убивать их и сдавать за деньги. Когда правительство это поняло, они отменили выплаты. И что сделали заводчики?

— Выпустили змей на улицу, — тихо сказал Ричард Стерн. — Потому что кормить их стало статистически невыгодно.

— Именно. И кобр стало в три раза больше, чем до начала борьбы с ними. — Штольц обвел змею кружком. — Это называется «Непреднамеренные последствия».

Он повернулся к классу, и его взгляд стал тяжелым. — А теперь перенесем это на наш город. Система платит вам рейтингом за «Счастье». Она хочет, чтобы все были счастливы. Но что вы делаете на самом деле?

— Мы разводим фальшивых кобр, — мрачно сказала Лея. — Мы постим фейковые улыбки. И фальшивого счастья становится так много, что оно нас душит.

В классе повисла тишина. Даже Кайден перестал крутить свою дорогую ручку.

— Запишите, — резюмировал Штольц. — Любая система, основанная на внешних показателях, рано или поздно начинает производить не результат, а отчетность.

Мужская раздевалка. Время переодеваться.

После умственного напряжения полагалась физическая разрядка. Класс готовился к физкультуре.

В раздевалке пахло дезодорантом и резиной кроссовок. Близнецы Вайс, конечно, переодевались здесь же — в школе не было VIP-лож. Ян стоял у своего шкафчика, аккуратно вешая рубашку на принесенную с собой вешалку.

Он был без очков.

После Рождества и «запуска реактора» Близнецы перестали прятать глаза. Они больше не боялись, что их взгляд кого-то заморозит или подчинит. Они научились дозировать холод. Сейчас глаза Яна были просто льдисто-голубыми, спокойными, как поверхность замерзшего озера.

Саша Новак, насвистывая какую-то мелодию, стягивал джинсы. Он торопился — хотел занять лучшее место в зале, чтобы впечатлить (кого? Таню? Или просто Вселенную?).

Он дернул штанину. Из заднего кармана выпорхнул сложенный вчетверо розовый листок.

Саша этого не заметил. Он уже натягивал спортивные шорты, прыгая на одной ноге.

Листок спланировал на пол, прямо под ноги Ричарду Стерну.

Ричард, который аккуратно зашнуровывал кеды, поднял бумажку. Рефлекс «архивариуса» — всё, что с текстом, должно быть прочитано. Он развернул её.

Глаза Ричарда расширились за стеклами очков. «УВЕДОМЛЕНИЕ О ВЫСЕЛЕНИИ. Задолженность: 50 000 баллов. Срок исполнения: 15 апреля».

15 апреля. Это через три дня.

Ричард посмотрел на Сашу, который уже убежал к выходу. Это была не Сашина бумажка. Адрес был... соседний. 14-я квартира. Лея.

Ричард застыл. Он знал, что Лея — лучшая подруга Миры. Если Лею выселят, Мира расстроится. Если Мира расстроится, её когнитивные функции снизятся, и она будет грустить. А Ричард... ну, чисто статистически, он не хотел, чтобы Мира грустила.

— Любопытный колер, — раздался холодный голос над его ухом.

Ричард вздрогнул. Рядом стоял Ян Вайс. Он уже переоделся в идеально белую футболку. Ян смотрел на розовый листок с выражением брезгливого интереса, как энтомолог на редкого жука.

— Розовый цвет в мужской раздевалке, — продолжил Ян, чуть склонив голову. — Это смелое дизайнерское решение. Но Новаку не идет. Слишком... кричаще для его цветотипа.

— Это не Сашино, — прошептал Ричард, поправляя очки дрожащей рукой. — Это... Леи. Ян протянул руку. Это не было просьбой. Это было требование гравитации. Ричард отдал листок.

Ян пробежал глазами по тексту. Его лицо не изменилось. Ни жалости, ни сочувствия. Только легкая морщинка на лбу — как будто он увидел криво повешенную картину.

— 15 апреля, — произнес он ровным голосом. — Нерационально. Выселение ученика в середине семестра нарушает образовательный процесс и снижает общий коэффициент эффективности класса.

— Они... они живут бедно, — зачем-то сказал Ричард.

— Они живут неэффективно, — поправил Ян. — Долг — это математическая ошибка. А ошибки нужно исправлять.

Он достал из шкафчика свой телефон (последней модели, прозрачный корпус).

— Ты куда? — пискнул Ричард. — Урок сейчас...

— У меня срочный звонок, — бросил Ян через плечо, выходя из раздевалки. — Скажи физику, что я устраняю дисбаланс во Вселенной.

Коридор. Разговор двух Айсбергов.

Ян набрал номер. Гудок шел ровно полсекунды.

— Слушаю, — женский голос на том конце был точной копией голоса Яна, только на октаву выше и тверже, как алмаз.

— Мама. У нас проблема логистического характера, — Ян говорил сухо, глядя в окно на цветущую сакуру. — Один из элементов моей команды находится под угрозой депортации из жилого сектора.

— Имя? — коротко спросила миссис Вайс.

— Нордстрем. Квартира 14, сектор Д-4. Долг 50 тысяч. Угроза выселения 15-го числа.

Пауза. Слышно было только, как на том конце кто-то быстро печатает на клавиатуре.

— Нордстрем... — задумчиво произнесла мать. — Эмилия. Учитель. Рейтинг низкий, но стабильный. Долг образовался из-за штрафа за ложный вызов в декабре.

— Это дестабилизирует актив, — сказал Ян. — Девочка, Лея, является ключевым сенсором в нашей группе. Если её уберут, структура класса 7-С потеряет... — он на секунду замаялся, подбирая слово, которое поймет мать, — ...синергию. А мы с Яной инвестировали в этот проект свое время.

— Я поняла, — голос матери стал деловым. — У нашей строительной компании как раз недобор по благотворительным квотам за этот квартал. Нам нужно списать налоги. Покрытие долга социально незащищенной семьи подойдет идеально.

— Это будет рационально, — кивнул Ян.

— Я оформлю это как грант "Белое Крыло". Анонимно, разумеется. Мы не нуждаемся в слюнявых благодарностях.

— Разумеется. Спасибо, мама.

— Будь эффективен, Ян.

— Взаимно.

Звонок отключился. Ян посмотрел на экран, потом на розовую бумажку. Он аккуратно разорвал её на мелкие кусочки и выбросил в урну.

Мусор убран. Порядок восстановлен.

Вечер того же дня. Квартира Леи.

Лея сидела на кухне, делая вид, что учит историю, но на самом деле прислушивалась к шагам на лестнице. Весь день её не покидало чувство надвигающейся катастрофы. Жаба Страха не сидела на груди, но где-то в углу комнаты сгустилась липкая Серая Паутина.

Она не знала про бумажку. Мама спрятала повторное уведомление. Но Эмпата нельзя обмануть молчанием. Лея чувствовала, как от мамы утром пахло холодным, колючим отчаянием.

Замок шелкнул.

Лея сжалась. Сейчас мама войдет, уставшая, серая, и скажет что-то страшное. Например: «Собирай вещи».

Дверь открылась.

Эмилия вошла... и Лея моргнула.

Вокруг мамы не было Серой Паутины. Вокруг неё светилось что-то мягкое, голубовато-белое. Свет облегчения.

— Лея? — голос мамы дрожал, но не от слёз. — Ты не поверишь.

Эмилия прошла на кухню, села на табуретку и закрыла лицо руками. Потом резко убрала их и улыбнулась. Улыбка была слабой, растерянной, но настоящей.

— Мне позвонили из Департамента Жилья. Час назад.

— Что? — Лея похолодела.

— Они сказали... они сказали, что произошла ошибка. Перерасчет. Какой-то грант... — Эмилия покачала головой, словно сама не верила. — Фонд поддержки образования закрыл наш долг. Полностью. И даже начислил бонусы за выслугу лет.

Лея открыла рот. — Какой фонд?

— "Белое Крыло", кажется. Я никогда о таком не слышала. Они сказали, что это автоматическая программа для учителей...

Эмилия вдруг рассмеялась — нервно, счастливо. — Мы остаемся, Лея. Никто нас не выгонит. Мы остаемся дома.

Лея медленно выдохнула. Жаба в углу растворилась.

"Белое Крыло".

Белое.

Она вспомнила сегодняшний день. Близнецы Вайс в своих белых рубашках. Ян, который вышел из раздевалки с телефоном. Их фамилия Weiss — с древнего языка значила «Белый».

Они называли это «оптимизацией». Они ненавидели хаос. Выселение — это хаос.

Лея улыбнулась.

— Да, мам, — тихо сказала она. — Наверное, это очень хорошая автоматическая программа.

— Это ангелы, — прошептала Эмилия, вытирая глаза. — Просто ангелы.

"Белые Ангелы", — подумала Лея. — "Ледяные, высокомерные, помешанные на чистоте ангелы, которые никогда в этом не признаются".

Завтра в школе Ян даже не посмотрит в её сторону. Он наденет свою маску безразличия. Но Лея будет знать.

Лёд не горит. Но иногда он спасает от пожара лучше воды.

Геометрия Льда и Ужин с Акционерами

Верхний Город. Резиденция Вайс.

Особняк семьи Вайс не висел в воздухе, но казалось, что он презирает гравитацию. Это был шедевр минимализма, врезанный в скалу на самом высоком холме Верхнего Города. Сплошное «умное» стекло, белый мрамор и прямые линии. Никакой лишней лепнины, никаких пыльных ковров. Дом напоминал операционную будущего или очень дорогой музей современного искусства.

Здесь царила стерильная чистота. Роботы-уборщики бесшумно скользили по полу, полируя и без того идеальный камень. Воздух был ионизирован и пах озоном.

Ужин проходил в столовой, где стена-экран транслировала успокаивающие виды норвежских фьордов.

Во главе стола сидел Конрад Вайс. Он был точной копией Яна, только старше на тридцать лет. Те же белоснежные волосы, зачесанные назад, та же бледная, почти прозрачная кожа, сквозь которую, казалось, светится голубоватая кровь.

Напротив сидела Изольда Вайс. Яна в будущем. Высокая, статная, с глазами цвета замерзшей Атлантики. В этой семье генетика работала без сбоев. Они все были «Белыми Ангелами» — идеально выведенной породой Эмберов Топ-10.

— Отчет по фонду «Белое Крыло» прошел верификацию, — произнесла Изольда, разрезая рыбу на геометрически точные кусочки. Голос у неё был прохладный, как кондиционер в жару. — Покрытие задолженности семьи педагога. Сумма списана как «социальная ответственность» для налогового вычета.

— Рационально, — кивнул Конрад, не отрываясь от проекции биржевых сводок, висящей над его тарелкой. — Эффективное перераспределение ресурсов. Хорошая инициатива, Ян. Своевременная.

Ян и Яна сидели с идеально прямыми спинами. Их глаза — невероятного цвета «электрического льда», пронзительные и светящиеся, — смотрели прямо.

— Я провел анализ рисков, отец, — ответил Ян. — Потеря этого ученика дестабилизировала бы микроклимат в группе, где мы сейчас... проводим полевые исследования.

— К тому же, — подхватила Яна, — эффективность субъекта «Нордстрем» в качестве эмоционального сенсора крайне высока. Её замена потребовала бы временных затрат. А время — невозполнимый актив.

Родители переглянулись. В их взглядах не было теплоты в привычном понимании. Там было профессиональное одобрение.

— Одобряю, — сказал Конрад. — Вы мыслите как архитекторы, а не как потребители. Эмоции — это хаос. Управление хаосом — это власть.

— Спасибо, отец, — синхронно ответили близнецы.

Ужин закончился ровно в 19:45. По расписанию.

Родители удалились в свои кабинеты. Ян и Яна поднялись на второй этаж, в свою общую гостиную. Это было их пространство — белое, пустое, с огромным панорамным окном на город.

Ян подошел к полке, где лежали два футляра с темными очками. Он взял одни, покрутил в руках, но не надел. Положил обратно.

— Странное ощущение, — заметила Яна, усаживаясь в кресло-кокон. — Мы ходим без фильтров уже пятый месяц. После инцидента с Люмоситом.

— С Рождества, — уточнил Ян. — С того момента, как мы замкнули цепь в подвале.

Он посмотрел на свое отражение в темном стекле окна. Его глаза светились в полумраке, как два лазера. Раньше этот свет был неконтролируемым. Он мог заморозить, подавить волю, вызвать у собеседника желание спрятаться, влюбиться или следовать за ними. Поэтому они носили очки — чтобы не «фонить» силой на обычных людей.

Но теперь...

— Контроль стабилизирован, — констатировал Ян. — Мы больше не излучаем избыточную энергию. Мы научились дозировать холод.

— Знаешь, в очках был свой... примитивный функционал, — задумчиво произнесла Яна. — Саша Новак сказал бы, что мы потеряли стратегическое преимущество.

Ян чуть улыбнулся уголком рта. — Какое же?

— Возможность спать на уроках истории с открытыми глазами, сохраняя вид глубокой интеллектуальной работы. — Яна идеально скопировала интонацию Саши: чуть хрипловатую, насмешливую. — «Эй, Снежная Королева, ты спишь или сканируешь астрал?»

Ян фыркнул. Звук был тихим, но искренним. — Новак мыслит категориями биологической лени. Мы не спим на уроках. Мы переходим в режим энергосбережения.

— И всё же, — Яна посмотрела на брата. — Ричард сегодня был в состоянии паники. Его пульс был 140.

— Я видел, — кивнул Ян. — Он боялся не за себя. Он боялся за Миру. Которая боялась за Лею.

— Цепочка иррациональных привязанностей, — сказала Яна.

— Да. Иррациональная. — Ян подошел к окну и встал рядом с сестрой. — Но удивительно прочная. Намного прочнее, чем альянсы Кайдена.

— Кайден — это фасад, — Яна поморщилась, словно увидела грязное пятно на белой рубашке. — Он думает, что управляет Далией. Но он просто паразитирует на её ресурсе. Это неэффективная модель. Паразит умирает вместе с носителем.

— Мы поступили иначе, — сказал Ян. — Мы инвестировали в Лею.

— Мы устранили ошибку системы, — поправила Яна. — Анонимно.

— Лея поймет, — уверенно сказал Ян. — У неё высокий коэффициент проницательности. Она сопоставит факты. Раздевалка. Телефон. Название фонда «Белое Крыло».

— Поймет, — согласилась Яна. — Но промолчит. Потому что понимает: благодарность создаст социальный долг. А мы ненавидим долги.

В комнате повисла тишина. Это была не пустая тишина одиночества. Это была совершенная тишина. Тишина двух разумов, работающих на одной частоте.

Им не нужно было говорить друг другу, что они сделали это не ради «налогового вычета». И не ради «стабилизации актива».

Они сделали это, потому что Лея, Саша, Мира и остальные... они были интересными. Они были живыми. Они были хаосом, который хотелось не уничтожить, а изучить. И защитить.

— Завтра контрольная по физике, — сказала Яна, вставая. — Тема: термодинамика.

— Скука, — отозвался Ян. — Я решу её за 12 минут.

— Я за 10. Статистически, мой нейронный отклик утром выше.

— Принято. Проигравший платит за горячий шоколад для Веры. Она сегодня выглядела слишком прозрачной. Ей нужна глюкоза для уплотнения материи.

— Согласна. Оптимизация состояния членов команды — приоритет.

Они разошлись по своим комнатам, не сказав «спокойной ночи». Им это было не нужно. Они и так всегда были вместе, даже когда спали в разных крыльях дома.

Два белых луча в темном царстве. Холодные, как лазер. Но лазер тоже может сжигать тьму. И иногда — согреть тех, кто замерз.

Королевский Гамбит и Эффективная Человечность

Частный клуб «Железная Лилия». Утро субботы.

Если бы кто-то спросил Яна Вайса, что такое идеальное утро, он бы ответил формулой: «Физическая нагрузка плюс стратегическое планирование, минус социальный шум».

Зал для фехтования был пустым. Только звон стали о сталь и дыхание двух людей, работающих в абсолютной синхронизации.

Ян и Яна были одеты в черную экипировку (белая была бы слишком банальной для «Белых Ангелов»). Маски скрывали лица, но по движениям их было невозможно спутать.

Ян атаковал — резко, прямолинейно, как математическая аксиома. Яна парировала — мягко, текуче, уводя клинок брата в сторону, как воду в русло реки.

— Туше, — выдохнул Ян, когда кончик рапиры сестры коснулся его груди. — Твоя реакция сегодня выше на 0.4 секунды.

Они сняли маски. Волосы, взмокшие от пота, казались еще белее на фоне черных костюмов.

— Ты слишком полагаешься на агрессию, — заметила Яна, беря полотенце, которое ей тут же подал дрон-ассистент, бесшумно паривший рядом. — Кайден заразил тебя своей прямолинейностью?

— Кайден — это тупой топор, — фыркнул Ян. — А я тренирую пробой защиты.

Они вышли из зала, направляясь в душ. Клуб был элитным, но здесь не было лишней роскоши. Только функциональность, доведенная до абсолюта.

— Кстати, о Кайдене, — сказал Ян, когда они уже сидели в лаунж-зоне, попивая ионизированную воду. — Система безопасности дома зафиксировала три попытки сканирования нашей локальной сети. Источник — IP-адрес, зарегистрированный на подставную фирму отца Кайдена.

— Он ищет компромат? — Яна лениво пролистала ленту новостей на прозрачном планшете. — Как примитивно.

— Он ищет уязвимости. Он думает, что мы — такие же, как он. Что у нас есть скелеты в шкафу.

— У нас нет шкафов, — Яна усмехнулась. — У нас встроенные системы хранения.

К их столику подошел официант — живой человек, пожилой мужчина с безупречной осанкой. — Ваш протеиновый коктейль, мистер Вайс. Мисс Вайс.

— Спасибо, Ганс, — кивнул Ян.

Когда официант отошел, Яна заметила: — Ты заметил? У него артрит. Левая рука дрожит.

— Заметил, — Ян сделал глоток. — Надо сказать отцу, чтобы перевел его на административную должность. В архиве нагрузка на суставы меньше.

— И оплатить курс лечения в нашей клинике, — добавила Яна. — Это повысит его лояльность и продлит срок службы как эффективной единицы.

Они переглянулись. Для любого другого это прозвучало бы цинично. «Продлить срок службы». Но для них это была высшая форма заботы. Они не умели жалеть. Они умели чинить.

— Почему мы не используем роботов? — вдруг спросила Яна, глядя вслед Гансу. — Технически, дрон справился бы быстрее.

— Технически — да, — согласился Ян. — Но социально это было бы ошибкой. Если мы заменим персонал на роботов, уровень безработицы в Нижнем Городе вырастет на 15%. Это приведет к росту преступности, снижению покупательной способности и, как следствие, падению прибыли наших же предприятий.

— То есть, мы нанимаем людей, чтобы они могли покупать наши товары? — уточнила Яна.

— Мы нанимаем людей, чтобы сохранить баланс, — поправил Ян. — Живой человек нуждается в работе. Работа дает ему смысл и рейтинг. Если мы заберем у них работу, мы получим хаос. А мы ненавидим хаос.

— Рационально, — кивнула Яна. — Эффективная человечность.

Конюшня «Зенит». Час спустя.

Два черных коня, гладких, как обсидиан, неслись по манежу.

Для Близнецов верховая езда была не спортом, а медитацией. Контакт с животным, которое не знает, что такое рейтинг, и не умеет врать, был для них способом «заземлиться».

Ян легко спрыгнул с коня, похлопав его по шее. — Хороший мальчик, Орион.

К нему тут же подбежал конюх — молодой парень, V4, в потертом комбинезоне. — Мистер Вайс, всё в порядке? Орион сегодня немного нервничал...

— Он в порядке, — Ян достал из кармана яблоко (настоящее, не пластиковое) и скормил коню. — Проверьте вентиляцию в третьем стойле. Там сквозняк. Это влияет на его настроение.

— Конечно, сэр! Я сейчас же...

— И наденьте куртку, — бросила Яна, проходя мимо и ведя свою лошадь, Кассиопею. — На улице +12. Если вы заболете, кто будет следить за Орионом? Нам нужен здоровый персонал.

Парень опешил, потом торопливо кивнул. — Да, мисс Вайс! Спасибо!

Близнецы вышли на улицу, где их ждал черный электрокар с водителем.

— Мы выглядим как злодеи из бондианы, — заметила Яна, садясь в машину. — Черные кони, черная машина, белые волосы. Не хватает только кота.

— У Миры есть кот, — вспомнил Ян. — Виртуальный.

— Это не считается. Нам нужен настоящий. Сфинкс. Лысый и злой.

— У нас аллергия на шерсть, — напомнил Ян.

— Сфинксы лысые, гений.

— У них есть перхоть. Статистически, 80% аллергиков реагируют на сфинксов.

— Зануда, — Яна улыбнулась. Это была редкая, настоящая улыбка, которая касалась глаз.

Машина плавно тронулась, унося их в сторону дома.

— Что с Кайденом? — спросила Яна, глядя на проплывающие мимо рекламные щиты «V-Life».

— Он не успокоится, — Ян потер переносицу. — Он нарцисс в стадии декомпенсации. Наш отказ для него — как красная тряпка. Он попытается ударить по слабому звену.

— По Далии? — предположила Яна.

— Нет. Далия уже у него в кармане. Он ударит по тем, кто дает ей альтернативу. По 7-С.

— Пусть попробует, — Яна сузила глаза. — Мы только что сделали ремонт. У нас крепкие стены.

— И у нас есть преимущество, — добавил Ян. — Мы знаем, что он пустой. А он думает, что мы — просто богатые снобы. Ошибка в оценке противника — это 90% поражения.

— А остальные 10%?

— Это Саша Новак и его способность создавать проблемы на ровном месте, — усмехнулся Ян. — Хаос против Пустоты. Я ставлю на Хаос.

— Я тоже, — кивнула Яна. — Кстати, ты заметил? Саша сегодня в раздевалке был в разных носках.

— Один синий, другой зеленый, — подтвердил Ян. — Это был не баг. Это была фича.

Они переглянулись и рассмеялись своим тихим, хрустальным смехом.

В их мире, где всё было подчинено логике и эффективности, класс 7-С был той самой переменной, которая делала уравнение интересным. И они собирались защищать это уравнение любой ценой.

Даже если для этого придется снять белые перчатки.

Искусство Вежливого Отказа и Теория Разбитых Зеркал

Вечер субботы. Закрытый прием в галерее «Эфир».

Если школа была полем битвы, то светские рауты Верхнего Города были минным полем, замаскированным под цветочную клумбу. Здесь не бегали и не кричали. Здесь улыбались так остро, что можно было порезаться.

Семья Вайс прибыла ровно в 19:00.

Ян и Яна, в безупречных костюмах цвета полуночного неба, шли чуть позади родителей. Они двигались синхронно, сканируя пространство. Их глаза (уже без очков, но контролируемые) скользили по лицам гостей, как сканер штрих-кодов.

— Сектор три, — тихо произнес Ян. — Концентрация фальшивых улыбок превышает норму на 40%.

— Там семья Росс, — так же тихо ответила Яна. — Это объясняет искажение фона.

В центре зала, под огромной люстрой из «живого стекла», стоял отец Кайдена — Кристиан Росс. Медиа-магнат. Человек, который владел холдингом «Голос Света» и считал, что если он говорит достаточно громко, то это становится правдой.

Он был одет слишком ярко. Слишком много золота на запонках. Слишком широкий жест, когда он рассказывал анекдот. Он был Эмбером из последней сотни — №98 или №99. Тот, кто из всех сил цепляется за край обрыва, пытаясь убедить всех, что он летает.

Рядом с ним стоял Кайден.

Увидев Близнецов, Кайден не смутился. Не отвел глаз. Не вспомнил, как они унизили его в школе. Наоборот. Его лицо озарила улыбка — такая теплая и искренняя, что Маркуса Айрона, будь он здесь, вырвало бы прямо на паркет.

Кайден включил режим «Старый Друг». Это была классическая манипуляция: «Газлайтинг реальностью». Веди себя так, будто конфликта не было, и жертва сама засомневается: «Может, я что-то придумал? Может, мы и правда друзья?».

— Ян! Яна! — Кайден направился к ним, раскинув руки, словно хотел обнять. — Какая встреча! Я надеялся увидеть здесь единственных людей, с которыми можно поговорить об интеллекте, а не о погоде.

Он подошел вплотную, нарушая личное пространство (прием «захват территории»).

Ян и Яна остановились. Они не отшатнулись (это показало бы слабость). Они просто... замерли.

— Здравствуй, Кайден, — произнес Ян. Голос ровный, без интонаций.

— Прекрасный вечер, не так ли? — Кайден сиял. Его Зеркальная аура пыталась отразить их холод, чтобы подстроиться, но лед Близнецов был слишком плотным. — Кстати, хотел сказать... тот разговор в школе... Я подумал, мы просто друг друга не поняли. Эмоции, стресс перед тестами... Вы же понимаете.

Он предлагал им «выход». Сделку: «Забудем всё, и я не буду мстить, а вы будете со мной вежливы».

Яна чуть наклонила голову.

— Мы прекрасно тебя поняли, Кайден. У нас нет проблем с кодированием и декодированием речи.

— О, я уверен! — Кайден рассмеялся (слишком громко). — Просто... зачем нам эти детские обиды? Наши отцы — партнеры по статусу. Мы — будущее этого города. Мы должны держаться вместе.

Он протянул руку Яну.

— Как насчет перезагрузки?

Урок Социального Айкидо: Ломка Фрейма.

Кайден задал фрейм (рамку ситуации): "Мы друзья, мы равны, давай мириться".

Если Ян пожмет руку — он примет этот фрейм. Он проиграет.

Если Ян грубо откажет — он покажет эмоции (агрессию). Он проиграет.

Ян посмотрел на протянутую руку Кайдена. Потом перевел взгляд на его лицо. Он смотрел в переносицу (взгляд, который не устанавливает контакт, а изучает объект).

Пауза длилась ровно три секунды. Достаточно, чтобы рука Кайдена начала выглядеть глупо, повисшей в воздухе.

— Перезагрузка требуется системам, в которых обнаружен критический сбой, — спокойно сказал Ян. — У нас сбоев нет.

Он не пожал руку. Он просто не сделал движения навстречу.

— И, статистически, — добавила Яна, глядя сквозь Кайдена на картину за его спиной, — альянсы эффективны только при равенстве активов. А твои активы... нестабильны.

Кайден застыл. Улыбка осталась на лице, но глаза стали мертвыми. Он медленно опустил руку, делая вид, что поправляет манжет.

— Как скажете, — процедил он. — Но смотрите не замерзните на своей вершине. Там ветрено.

— У нас отличная терморегуляция, — парировала Яна.

В этот момент к ним подошли родители.

Битва Титанов: Медиа против Науки

Кристиан Росс (отец Кайдена) подлетел к Конраду и Изольде Вайс, как катер к авианосцу.

— Конрад! Изольда! — прогремел он. — Сколько лет! Я читал о ваших новых разработках в области памяти. Гениально! Просто гениально! Мой канал с удовольствием сделает про это сюжет. Прайм-тайм, лучшие ведущие...

Он заискивал. Он был громким, потным и суетливым. Он был №99, который пытался продать себя №3.

Конрад Вайс медленно повернул голову. Его взгляд был тяжелым, как могильная плита.

— Кристиан, — произнес он тихо. Но Кристиан Росс мгновенно замолк. — Мы не даем интервью. И мы не нуждаемся в рекламе. Память — это интимный процесс. А твой канал превращает интимность в шоу.

Это была пощечина. Вежливая, светская, но сокрушительная.

— О, ну конечно, конечно! — Кристиан нервно рассмеялся, вытирая лоб платком. — Я просто предложил... По-соседски, так сказать. Мы же все в одной лодке... Эмберы...

Изольда Вайс чуть приподняла бровь.

— Лодки бывают разные, Кристиан. Наша — ледокол. А твоя... кажется, прогулочный катамаран. Слишком много шума от двигателя.

Она взяла мужа под руку.

— Идем, Конрад. Здесь становится душно. Слишком много углекислого газа от пустых разговоров.

Они прошли мимо Россов, как мимо мебели. Ян и Яна последовали за ними, оставив Кайдена и его отца стоять в центре зала с застывшими улыбками.

Инфляция Слов и Генетическая Арифметика

В машине. Разбор полетов.

Лимузин семьи Вайс бесшумно скользил по ночному городу. Шумоизоляция была такой совершенной, что внешний мир казался немым кино.

— Вы видели? — спросил Ян, глядя в тонированное окно, за которым проносились неоновые шпильки Верхнего Города.

— Видели, — спокойно ответил Конрад Вайс. Он даже не отрывался от планшета. — Кристиан Росс теряет элегантность. Слишком много жестикуляции. Слишком громкий смех.

— Он входит в Топ-100, — заметила Изольда. — У него безлимитный доступ к ресурсам, медиа-холдинг и три особняка. Но он ведет себя так, будто боится, что завтра пропуск заблокируют.

— Потому что его власть — это проекция, — Конрад наконец отложил планшет. — Кристиан продает мнения. Мы продаем память. Мнения меняются. Память — вечна. Его богатство зависит от рейтинга канала. Наше богатство — это инфраструктура самой жизни. Чувствуете разницу?

— Фундаментальная разница, — кивнул Ян. — Россы — это надстройка. Мы — базис.

— Именно. Поэтому он так нервничает, — Изольда чуть улыbnулась уголком рта. — Он знает, что в пищевой цепи Эмберов он — крупная рыба. Но мы — океан, в котором она плавает. — А его сын? — спросила она. — Кайдэн. Он подходил к вам.

— Он пытался навязать фрейм "дружбы", — сказал Ян. — Использовал технику "Газлайтинг реальностью". Игнорировал предыдущий отказ.

— И как вы реагировали? — спросил отец.

— Мы не приняли подачу, — ответила Яна. — Мы использовали "Эффект Тишины". И отказ от физического контакта.

Конрад отложил планшет и впервые за вечер посмотрел на детей с теплотой (в их понимании теплоты).

— Правильно. Запомните урок, — сказал он. — Манипулятор питается вашей реакцией. Не важно, какой — согласием или агрессией. Если вы спорите — вы в его игре. Если вы оправдываетесь — вы в его игре. Единственный способ выиграть у нарцисса — стать скучным камнем.

— "Серый камень", — кивнула Яна. — Психологическая техника.

— Именно, — подтвердила Изольда. — Кайдэн Росс — пустой. Он зеркало. Если вы не даете ему света, ему нечего отражать. Он гаснет.

— Но он опасен, — заметил Ян. — Он злопамятен.

— Опасен только тот враг, у которого есть ресурсы, — жестко сказал Конрад. — У Россов ресурсы меньше. Их рейтинг дутый. Один звонок в банк, один аудит — и они рассыплются.

— Мы не будем этого делать, — добавил он, помолчав. — Пока. Наблюдайте. Пусть он думает, что он игрок. Это лучшая позиция для наблюдения — когда противник переоценивает себя.

Ян и Яна переглянулись.

— Мы тоже так думаем, — сказал Ян. — В классе 7-С мы создали... экосистему. Кайдэн там — раздражитель. Но он полезен. Он тренирует иммунитет группы.

— Хорошо, — кивнула Изольда. — Продолжайте эксперимент. Но помните: белые перчатки снимают только тогда, когда готовы коснуться грязи, чтобы её убрать. Не раньше.

— Да, мама. Мы не приняли подачу, — ответила Яна. — Статистически, игнорирование — самая энергозатратная для агрессора стратегия.

Ян чуть повернул голову к сестре. Вслух он ничего не сказал, но в их общем ментальном пространстве прозвучал насмешливый голос:

«Статистически? Серьезно, Яна?»

Яна не моргнула, но ее мысленный ответ прилетел мгновенно: «Это лингвистический вирус. Мира Коваль инфицировала наш код. Слово-паразит с высокой частотностью употребления».

«Будь осторожна. Следующая стадия — ты начнешь поправлять очки, как Ричард».

«А ты начнешь красить волосы в рыжий и шутить про пони, как Саша».

В реальности они оба едва заметно улыbnулись, глядя прямо перед собой. Это была их тайна — способность вести два диалога одновременно.

Изольда Вайс, наблюдавшая за ними, тихо вздохнула. В её взгляде смешались гордость и легкая тень грусти.

— Ваш Резонанс сейчас на пике, — произнесла она мягко. — Вы слышите друг друга без слов. Это красиво.

— Это эффективно, — поправил Ян.

— Это временно, — жестко сказал Конрад.

В машине повисла тишина. Близнецы синхронно посмотрели на отца.

— Вы знаете традицию, — продолжил Конрад. — Мы с матерью — тоже Близнецы. Не друг другу, разумеется. Мой брат-близнец сейчас курирует наши клиники в Женеве. Сестра вашей матери, его жена, — управляет фондами в Азии.

— Мы были так же близки, как вы, — добавила Изольда. — Мы думали одной головой. Но природа требует экспансии. Резонанс дается близнецам при рождении как тренировочная площадка. Чтобы вы научились чувствовать другого человека лучше, чем себя.

— Но когда вы найдете свою Пару... — Конрад посмотрел на Яна, потом на Яну. — Настоящий Резонанс перейдет к супругу. Ваша связь брата и сестры останется крепкой, но она перестанет быть телепатической. Вы станете... отдельными единицами.

— Это необходимо для чистоты линии, — закончила Изольда. — Ваши старшие двоюродные братья, Марк и Маттео, уже прошли этот этап. Теперь их Резонанс направлен на их жен. Тоже близнецов, разумеется.

Ян и Яна переглянулись. Перспектива потерять эту абсолютную, кристальную связь казалась им... нерациональной. Пугающей. Как будто у тебя собираются отнять половину мозга.

«Они не понимают, — прозвучал голос Яна в голове сестры. — Мы не такие, как Марк и Маттео. Наша связь — это не просто генетика. Это архитектура».

«Согласна, — отозвалась Яна. — Мы не будем подчиняться устаревшим протоколам. Мы оптимизируем традицию».

Вслух Яна сказала: — Мы учтем это, отец. Когда придет время.

— А пока, — Ян вернул разговор в деловое русло, — вернемся к Россам. Кайден опасен своей иррациональностью. Он может попытаться ударить исподтишка.

— Пусть пытается, — Конрад снова взял планшет. — Пока он думает, что он игрок, он уязвим. Самая выгодная позиция — когда враг вас недооценивает. Пусть считает вас просто высокомерными снобами.

— Мы и есть высокомерные снобы, — заметила Яна.

— Да. Но вы — снобы, у которых есть план. А у него есть только амбиции, — улыбнулся отец. — Наблюдайте. Экспериментируйте с вашей группой 7-С. Если этот «Хаос» Саши Новака работает против «Пустоты» Росса — используйте его.

Машина мягко затормозила у ворот резиденции.

Ян вышел первым и подал руку Яне. Их пальцы соприкоснулись, и привычный разряд статического электричества (или родства?) подтвердил: система работает нормально.

Они справятся. С Кайденом. С родителями. И даже со словом «статистически».

— Завтра понедельник, — сказал Ян, когда они поднимались по мраморной лестнице. — Лея придет в школу, зная, что ее не выселят.

— Надо будет проследить за реакцией зрачков, — кивнула Яна. — Чтобы подтвердить гипотезу о том, что она догадалась про нас.

— И у нас лабораторная по химии.

— Я буду в паре с тобой?

— Нет. Я возьму Сашу.

Яна остановилась. — Это мазохизм. Он смешивает реагенты, чтобы посмотреть, «будет ли бабах».

— Именно, — глаза Яна сверкнули азартом. — Мне нужен контролируемый взрыв. Кайден будет сидеть рядом. Пусть понервничает.

Яна улыбнулась. — Ладно. Тогда я беру Ричарда. Буду успокаивать его пульс.

Они разошлись по комнатам. Белые Ангелы, которые решили сыграть в игру с Хаосом, чтобы защитить свой идеальный порядок.

Над городом висела полная луна. Где-то там, внизу, Кайден Росс сейчас срывал злость на официантах, а его отец пил виски, пытаясь забыть унижение. А в квартире Леи, в секторе

Д-4, Эмилия спала спокойно впервые за полгода, не зная, что её покой куплен "налоговым вычетом" людей, которые считают эмоции хаосом.

Но иногда холодный расчет — это самый надежный щит.

Химические Ожоги и Теория Управляемого Хаоса

Понедельник. Кабинет Химии.

Кабинет химии пах хлоркой, серой и страхом перед проваленной контрольной. На столах стояли колбы, горелки и наборы реактивов, которые выглядели подозрительно безобидно — как ингредиенты для супа, если бы суп мог прожечь стол насквозь.

— Разбиваемся на пары! — рявкнул мистер Вэнс, учитель химии, который любил свой предмет больше, чем учеников (и, возможно, больше, чем жену). — Сегодня мы изучаем экзотермические реакции. Проще говоря — то, что выделяет тепло.

Ян Вайс, сидевший за первой партой, медленно поднялся. Он не стал ждать, пока класс начнет хаотичное броуновское движение в поисках партнеров. Он развернулся и посмотрел прямо на Сашу.

— Новак, — произнес он своим ровным, ледяным голосом. — Ты со мной.

Класс замер. Это было всё равно, что увидеть, как лев приглашает антилопу на вальс.

— Я? — Саша поперхнулся жвачкой. — Ваше Ледяное Величество, вы уверены? Мои отношения с химией можно описать статусом «всё сложно». В прошлый раз я чуть не создал новую форму жизни.

— Именно, — кивнул Ян. — Мне нужен катализатор с непредсказуемой валентностью. Ты подойдешь.

Яна, сидевшая рядом с братом, без лишних слов собрала свои вещи и пересела к Ричарду Стерну. Ричард покраснел так, что стал похож на лакмусовую бумажку, опущенную в кислоту.

Саша, пожав плечами, пересел к Яну. Он оказался прямо за спиной Кайдена и Далии, которые (естественно) работали в паре.

— Не взорви нас, рыжий, — бросил Кайден через плечо, не оборачиваясь. Он аккуратно, пинцетом, накладывал кристаллы в пробирку. Его движения были хирургически точными.

— Не волнуйся, Кен, — оскалился Саша. — Если я буду взрывать, я начну с твоего эго. Там площадь поражения больше.

Далия, сидевшая рядом с Кайденом, даже не улыбнулась. Она сидела с идеально прямой спиной, глядя на горелку. На её запястье, под манжетой дорогой блузки, Саша заметил краешек красной шерстяной нити.

Он хотел толкнуть её в плечо, спросить: «Эй, Принцесса, как выходные? Мы тут с ребятами нашли новый мем про котов...»

Но он промолчал. Потому что между ними была стена. Стена из холодного молчания, которую построил Кайден.

Экзотермическая реакция и Билет в Один Конец

— Новак, — голос Яна Вайса звучал над ухом, как инструкция автопилота. — Добавь три грамма сульфата меди. Медленно.

Саша держал пробирку так, словно это была граната с выдернутой чекой. — Медленно — это не мой стиль, Ваше Морознейшество. Мой стиль — это «ой, упало».

— Статистически, если ты уронишь это сейчас, — спокойно заметил Ян, подвигая штатив, — мы получим ожоги третьей степени и освобождение от физкультуры на месяц. Выгодный размен, но нерациональный. Лей.

Саша фыркнул, но налил аккуратно. Жидкость в колбе зашипела, меняя цвет с прозрачного на ядовито-синий. Тепло ударило в лицо.

— Экзотермическая реакция, — констатировал Ян, делая пометку в идеальном конспекте. — Выделение энергии во внешнюю среду.

Саша смотрел не на колбу. Он смотрел в спину Далии. Она сидела слишком прямо. Как будто у неё к позвоночнику привязали линейку. Кайден что-то шепнул ей, касаясь её локтя — легко, почти невесомо. Собственнически.

Далия чуть вздрогнула и поправила манжет блузки, пряча ту самую красную нить.

В этот момент, глядя на этот жест, время для Кайдена, наблюдавшего за ней боковым зрением, сжалось и отмотало пленку назад. В январь.

ФЛЕШБЭК: 11 Января. День Рождения Короля.

Это был день, когда Кайдену исполнилось четырнадцать. Никаких школьных вечеринок. Только элитный ресторан в Верхнем Городе, панорамные окна и меню без цен.

Далия пришла красивой. Нет, она была безупречной. Платье цвета шампанского, укладка волосок к волоску. Она сияла, как и положено спутнице Эмбера. Её родители, Георг и Элен, сидели за столом, раздуваясь от гордости. Они уже мысленно паковали чемоданы в Париж — совместная поездка двух семей на каникулы была утверждена. Это был их билет в высшую лигу.

Всё шло по плану. Пока Кайден не заметил это.

Они вышли на террасу «подышать воздухом» (на самом деле — сделать фото для «V-Life»). Далия потянулась поправить волосы, и рукав платья сполз.

На её тонком запястье, рядом с дорогим золотым браслетом, который подарил он, висела дешевая, грубая красная шерстяная нить.

Кайден замер. Его улыбка не дрогнула, но глаза стали похожи на два осколка льда. — Что это, милая? — спросил он мягко. — Новый тренд? Выглядит... этнически.

Далия одернула рукав. В её глазах мелькнул испуг, но она выпрямилась. — А, это... — она запнулась, но тут же улыбнулась. — Девочки подарили. В классе. Просто безделушка на удачу.

Ложь. Кайден знал, что она сама это сделала. Или взяла у той, «Бесцветной». Он чувствовал запах бунта.

— Девочки? — переспросил он, подходя ближе. — Те самые, из подвала? Знаешь, Далия, я думал, мы договорились. Эти связи... они тянут тебя вниз. Посмотри на этот браслет. Он чешется? Он дешевит твой образ. Я подарил тебе золото, а ты носишь шерсть.

Он не кричал. Он говорил с такой искренней, глубокой печалью, будто она ударила щенка.

Далия сжала кулаки. В этот раз она не отступила. — Мне нравится, Кайден. Это просто нитка. И я... я хочу общаться с ними. Мне нужны подруги. Не фанатки, а подруги. Ты же не можешь быть моим всем миром, правда?

Она думала, что победила. Что отстояла свои границы. Кайден вздохнул. Он взял её руку, поцеловал пальцы — прямо рядом с красной нитью. — Конечно, принцесса. Ты права. У тебя должны быть друзья. Я просто беспокоюсь за твою репутацию. Но если тебе это важно... носи.

Далия выдохнула, сияя от облегчения. Она выиграла! Он понял!

А через час, когда подали десерт, отец Кайдена, Кристиан, громко объявил, глядя в телефон: — Ох, какая жалость. Изменения в логистике.

— Что случилось? — встрепенулась мать Далии.

Кайден отложил вилку. Его лицо выражало глубочайшее сожаление. — Простите. Я совсем забыл сказать. Отец, мы ведь летим в Париж через Цюрих? У нас там встреча с инвесторами.

— Именно, — кивнул Кристиан (он понимал сына с полувзгляда). — Формат поездки меняется. Это будет... деловой визит. Очень скучный. Протокольные ужины, закрытые встречи.

Кайден повернулся к Далии. Его взгляд был полон сочувствия. — Детка, я не могу тебя взять. Ты там умрешь от скуки. К тому же... — он выразительно посмотрел на её запястье, скрытое рукавом. — Тебе, наверное, захочется провести каникулы с подругами. Раз они так важны.

Родители Далии побледнели. Париж отменялся. Далия застыла. Она поняла. Это было наказание. Но Кайден выглядел таким заботливым! Он ведь «освободил» её для друзей, как она и просила.

— Я буду скучать, — шепнул он ей на ухо, когда они прощались. — Надеюсь, твои новые друзья смогут отвезти тебя в Париж. Ох, подожди... они же не могут позволить себе даже автобус.

Он улетел. Далия осталась. Всю неделю она просидела дома, глядя на его идеальные сто-рис на фоне Эйфелевой башни, и чувствовала себя виноватой. Она всё испортила. Она расстроила родителей. Она обидела Кайдена.

И всё из-за какой-то нитки.

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. КАБИНЕТ ХИМИИ.

— ...реакция завершена, — голос Яна вернул реальность.

Кайден моргнул. Он смотрел на спину Далии. Она всё еще носила эту нить. Упрямая. Глупая. Но это делало игру интереснее.

Он аккуратно поставил свою пробирку в штатив. Жидкость внутри была кристально чистой — идеальный результат. Как и всё, что он делал.

Кроме одного.

Лея Нордстрем.

Кайден сжал пинцет. Эта «Бесцветная» была занозой. Именно из-за неё его план с бомбой в декабре пошел наперекосяк.

Всё было продумано гениально. Директору нужно было списать огромную сумму — пропавший бюджет школы. И компьютер, на котором велась «черная бухгалтерия». Кайден предложил решение. Изящное. Найти актеров (он знал пару ребят из V4, готовых на всё за рейтинг), устроить звонок о бомбе. Паника, эвакуация. Под шумок компьютер «исчезает», деньги списываются на «экстренные меры безопасности» и ремонт.

А найденный «виновник» (кто-то из учеников, кого не жалко) берет вину на себя. Директор был в восторге. Кайден получил статус «Золотого» не просто так — он был полезен.

Но эта дура Лея... Она услышала. Она подняла панику раньше времени. И самое ужасное — её мать, Эмилия, должна была сломаться под штрафом в 50 000. Это сделало бы их рабами Системы навсегда. Кайден уже планировал, как «великодушно» поможет Далии спасти подругу, купив тем самым их лояльность с потрохами.

Но вмешались Вайсы. Эти ледяные статуи оплатили долг. Анонимно. «Белое Крыло». Ха. Кайден знал, кто это.

Теперь Лея свободна. Эмилия не сломлена. А Директор нервничает, потому что компьютер пропал, но «виновного» так и не наказали показательно.

— Твоя очередь, Росс, — прогундосил учитель Вэнс. — Что у вас с реакцией?

Кайден поднял свою колбу. — Идеально, сэр. Полное поглощение. Никакого осадка.

— Скучно, — громко прокомментировал Саша с задней парты. — Где драма? Где страсть? Где, в конце концов, дым?

Ян Вайс, стоявший рядом с Сашей, едва заметно усмехнулся. — Дым бывает, когда нарушаешь технологию, Новак. А Кайден... он соблюдает инструкции. Даже если они ведут в тупик.

Кайден медленно повернулся. — Тупик — это когда у тебя нет выбора, Вайс, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали только они. — А у меня выбор всегда есть.

Он посмотрел на Далию. — Далия, запиши результаты. У меня руки заняты.

Далия вздрогнула и поспешно открыла тетрадь. — Да, конечно.

Она не смотрела на Сашу. Она не смотрела на Лею. Она смотрела только в тетрадь, стараясь быть полезной. Потому что она помнила Париж. И не хотела, чтобы «Париж» повторился.

Саша хотел что-то крикнуть, съязвить, защитить её, но Ян Вайс наступил ему на ногу. Больно. — Не трать реагенты зря, — холодно сказал Ян. — Ей сейчас не нужна твоя защита. Ей нужно понять, что колба нагревается, пока её держишь. И однажды она обожжет руки.

Звонок прозвенел.

Кайден вышел первым, на ходу доставая телефон. Ему нужно было написать Директору. Проблема с Вайсами требовала решения. Если нельзя купить Лею... значит, нужно сделать так, чтобы она сама захотела исчезнуть.

А пока — улыбаться. Шоу должно продолжаться.

Этика Выживания и Парадокс Вагонетки

Кабинет Этики. (Бывшая библиотека).

В отличие от стерильного кабинета химии или унылого, хотя и обновленного, но подвала 7-С, кабинет Учителя Соломона напоминал лавку древностей, чудом уцелевшую при бомбардировке. Здесь пахло старой бумагой, воском и временем.

На стенах вместо плакатов «V-Life» висели карты миров, которых больше не существовало. На столе тикал метроном.

Учитель Соломон сидел на краю стола, протирая очки кусочком замши. — Совесть, — произнес он мягким, скрипучим голосом, — это рудимент. В нашем городе её удаляют, как аппендикс, еще в начальной школе. Она мешает пищеварению успеха.

Он надел очки и посмотрел на класс глазами цвета старого пергамента. — Но сегодня мы попробуем её нащупать. Фантомные боли — самые сильные.

Джаспер Вонг, сидевший за последней партой и балансировавший карандашом на носу, фыркнул. — У меня совесть чиста, учитель. Я ею не пользуюсь. Она как новая, в упаковке.

Класс хихикнул. Соломон улыбнулся в бороду. — Бережливость — это похвально, Джаспер. Но инструменты ржавеют без дела.

Он встал и нарисовал на доске схему. — Представьте ситуацию. Вы — машинист поезда. У поезда отказали тормоза. Впереди развилка. На первом пути привязаны пять человек. Это «Яркие» (V1). Успешные, красивые, полезные для экономики. На втором пути привязан один человек. Это «Тень» (V4). Грязный, бедный, никому не известный.

— О, я знаю это! — выкрикнул Саша. — Это «Проблема Вагонетки». Классика! Ответ: я дергаю стоп-кран, поезд сходит с рельсов, и мы все идем пить какао.

— Стоп-крана нет, Александр, — мягко оборвал Соломон. — В жизни его никогда нет. Ты должен выбрать. Повернешь направо — убьешь пятерых «полезных». Повернешь налево — убьешь одного «бесполезного».

В классе повисла тишина. Вопрос был с подвохом. В Лонглайне ответ был очевиден: рейтинг решает всё. 5000 баллов против 50. Математика.

— Маркус, — Соломон кивнул Маркусу Айрону. — Твой выбор?

Маркус побледнел. Он ненавидел эти вопросы. Его дар детектора лжи работал и на него самого: если он скажет то, что надо, но не то, что думает, его скрутит боль. — Я... я бы спас пятерых, — выдавил он. — Чисто математически. Пять жизней больше одной.

Он тут же схватился за живот и поморщился. — Ложь, — констатировал Магнус Блэквуд, сидевший рядом с Таней Волковой. Магнус редко говорил, но всегда бил в цель. — Его тошнит. Значит, он врет.

— Почему ты врешь, Маркус? — спросил Соломон.

— Потому что... — Маркус тяжело дышал. — Потому что если тот один — это мой друг... или мама... я бы убил тех пятерых. Плевать на их рейтинг.

Класс зашумел. Это было признание в эгоизме. В «неэффективности».

— Честно, — кивнул Соломон. — Кайден? Твоя версия.

Кайден, который до этого с легкой скукой листал ленту новостей (под партой), поднял голову. Его лицо выражало идеальную гражданскую ответственность. — Я бы направил поезд на одного, — спокойно сказал он. — Не потому что он «Тень». А потому что ответственность лидера — минимизировать потери. Жертвовать малым ради великого — это суть управления.

Маркус напрягся, ожидая спазма. Он ждал лжи. Но спазма не было. Маркус удивленно посмотрел на Кайдена. — Он... он не врет, — прошептал Маркус. — Он правда так думает.

Лея почувствовала холод. Кайден не врал. Для него люди были цифрами. Он легко пожертвовал бы кем угодно — Леей, Еленой, даже Далией — если бы это спасло его «поезд». Именно так он поступил с той «бомбой». Пожертвовал спокойствием школы и нервами Эмилии ради спасения репутации Директора. «Минимизировал потери».

— Рационально, — безэмоционально заметил Ян Вайс. — Но скучно.

— А что бы сделал ты, Ян? — спросил Соломон.

— Я бы купил железную дорогу, — ответил Ян. — И уволил того, кто допустил неисправность тормозов. Проблема не в выборе жертвы. Проблема в плохом техобслуживании.

Класс рассмеялся. Это был типичный ответ Вайса — высокомерный, но гениальный.

— Хорошо, — Соломон стер схему. — Усложним задачу. Представьте, что вы — мэр города. У вас в бюджете дыра. Пропали деньги. Если об этом узнают, город потеряет рейтинг, инвесторы уйдут, начнется хаос. Но есть способ закрыть дыру. Можно обвинить во всем... скажем, невинного школьника. Списать всё на его шалость. Он пострадает, да. Его исключат. Но город будет спасен. Тысячи людей сохранят работу.

Лея сжала кулаки под партой. Это было про неё. Про декабрь. Про «бомбу». Соломон знал? Или просто приводил пример?

— Кто из вас жертвует невинным ради общего блага? — Соломон обвел класс взглядом. — Джаспер?

Джаспер перестал крутить карандаш. Его вечная ухмылка сползла. — Ну... если школьник — это я, то я против, — он попытался отшутиться, но вышло криво. — А если это кто-то другой... Слушайте, это жестоко. Я иллюзионист, я обманываю глаза, а не судьбы. Я пас.

— Магнус?

Магнус Блэквуд поднял свои темные, глубокие глаза. — Я бы пожертвовал, — тихо сказал он. Все обернулись. — Почему? — спросил Соломон. — Потому что мир так устроен, — голос Магнуса был похож на шелест сухих листьев. — Тени всегда исчезают, чтобы свет мог гореть ярче. Никто не считает тени.

— Это ужасно! — воскликнула Елена Мартинес. — Как ты можешь так говорить? Это же несправедливо!

— Справедливость — это сказка для детей, — отрезал Кайден. — Магнус прав. Если нужно спасти систему, один винтик не имеет значения. Особенно если этот винтик дефектный.

Он посмотрел на Лею. Его взгляд был прямым намеком. «Ты — дефектный винтик. И я почти тебя списал».

Лея почувствовала, как внутри закипает Жар. 37.2. 37.5. Она вспомнила маму, которая рвала заявление. Вспомнила Вайсов, которые заплатили долг. Они не согласились с этой арифметикой.

— А я бы не стала выбирать, — вдруг сказала Далия. Её голос дрожал, но она говорила. Она смотрела в свою тетрадь, сжимая ручку так, что побелели пальцы. — Если система требует жертв, чтобы выжить... значит, эта система гнилая. И её не надо спасать. Пусть рухнет.

Кайден резко повернулся к ней. В его глазах мелькнула вспышка — не гнева, а холодного предупреждения. «Заткнись». Далия осеклась. Она втянула голову в плечи, прячась за идеальной укладкой.

— Смелое заявление, Далия, — мягко сказал Соломон. — Революционное. Но готовы ли вы жить на руинах?

— Мы уже живем на руинах, — буркнул Саша. — Просто мы покрасили их в розовый цвет и наклеили стразы.

Он откинулся на стуле, глядя в потолок. — Знаете, в чем проблема этой задачки, учитель? В том, что мы обсуждаем, кого убить. А должны обсуждать, почему мы вообще кого-то привязываем к рельсам. Я бы не дергал рычаг. Я бы развязал того одного. Или тех пятерых. Пока поезд едет. Да, я мог бы не успеть. Да, меня могло бы размазать вместе с ними. Но я бы попробовал. Потому что если ты стоишь и выбираешь, кто умрет — ты уже убийца. Неважно, какой рычаг ты дернешь.

В классе повисла тишина. Настоящая. Не та, что бывает от страха перед директором, а та, что возникает, когда кто-то говорит Правду.

Даже Маркус Айрон расслабился. Боли не было. Саша говорил то, что чувствовал.

Соломон долго смотрел на Сашу. В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. И на печаль. — "Попробовать развязать", — повторил он. — Это и есть этика, Александр. Отказ принимать условия задачи, если они бесчеловечны. Это называется «Третий Путь». Путь, который не видят те, кто смотрит только на рельсы.

Он подошел к столу и взял небольшую коробочку. — Домашнее задание. Напишите эссе на тему: «Цена моей совести». Сколько стоит ваше молчание? Пятерка? Рейтинг? Поездка в Париж?

Кайден дернулся. Париж. Соломон попал в точку. Случайно? Или он знал?

— Урок окончен, — сказал Соломон. — Возвращайтесь в свой класс. И помните: поезд едет. Тормоза отказали давно. Вопрос только в том, кто из вас решится прыгнуть на рельсы, чтобы развязать узлы.

Звонок прозвенел как приговор.

Лея собирала вещи, чувствуя, как дрожат руки. Она знала ответ на вопрос Соломона. Её молчание стоило 50 000 баллов. И мама заплатила бы эту цену, если бы не Вайсы. А Кайден? Какую цену заплатил он?

Она посмотрела на него. Кайден уже стоял у парты Далии, улыбаясь своей идеальной улыбкой. — Ты была великолепна, принцесса, — говорил он, но его глаза оставались холодными. — "Пусть рухнет". Очень драматично. Тебе идет бунтарский дух. Главное — не увлекайся. Руины пачкают туфли.

Далия улыбнулась ему в ответ — слабо, виновато. Она снова была под контролем. Серебряная цепь натянулась.

Но Саша... Саша, который сегодня говорил про «развязать узлы»... Лея видела: его Облако Страху никуда не делось. А оранжевая обезьянка просто спряталась глубже. Он боялся. Но он был готов прыгнуть под поезд.

И это делало его самым храбрым — и самым обреченным — человеком в этой комнате.

Грязные Ботинки и Анатомия Нежности

Класс 7-С. После большой перемены.

В обновленном классе пахло не сыростью, как раньше, а свежей краской и... мандаринами. Бруно Штарк методично очищал фрукт, складывая корки в аккуратную горку.

Дверь открылась, впуская сквозняк и Кайдена.

Он вернулся с улицы. Погода в апреле была капризной — полчаса назад прошел ливень, превратив идеальные газоны школьного двора в грязевые ловушки.

Кайден прошел к своему месту, оставляя на свежавыкрашенном (руками Блинецов и Саши) полу грязные, жирные следы. Ему было плевать. Он привык, что за ним убирают. Тени, роботы, уборщики — неважно. Грязь не липла к его репутации, она оставалась только на полу.

Учитель Соломон, который уже сидел за столом, раскладывая проверенные эссе, поднял взгляд. Его глаза цвета старого пергамента задержались на грязных следах, но он промолчал.

— Подходим по одному, забираем работы, — тихо произнес он. — Тема «Цена совести» оказалась для многих... дорогой.

Кайден пошел первым. Он шел легко, по-хозяйски. Забрал свою тетрадь, небрежно кивнул учителю. На обратном пути он задержался у шкафа в конце класса, где хранилась сменная обувь.

— В этом районе такая грязь, — громко, словно обращаясь к невидимой публике, сказал он. — Удивительно, как люди здесь живут и не пачкаются изнутри.

Он демонстративно снял дорогие, но испачканные ботинки, бросив их прямо у шкафа (не внутрь), и надел идеально чистые, белые кроссовки. «Грязи — место в грязи», — читалось в его жесте.

— Лея Нордстрем, — позвал Соломон.

Лея встала. Ей пришлось идти через весь класс, огибая парты. Путь обратно лежал мимо Кайдена, который как раз зашнуровывал свои белоснежные кроссовки.

Она проходила мимо. Кайден выпрямился. Он не сделал подножку. Это было бы слишком грубо. Он просто сделал шаг назад, «случайно» оказавшись на её траектории.

Лея дернулась, чтобы не врезаться. Тетрадь выскользнула из её рук.

Шлеп.

Тетрадь упала раскрытыми страницами прямо в лужу жидкой грязи, стекшей с ботинок Кайдена.

— Оу, — Кайден посмотрел вниз. В его глазах не было ни сожаления, ни злорадства. Только холодная, зеркальная пустота. — Аккуратнее, Лея. Ты уронила свою совесть в грязь. Впрочем... там ей и место, верно? Среди мусора.

Он перешагнул через грязную тетрадь своими чистыми белыми подошвами и пошел к своему месту.

Лея застыла.

Она смотрела на грязное пятно, расплывающееся по бумаге. И вдруг звуки класса начали глухнуть. Смех на задних партах, скрип мела, дыхание — всё ушло под воду.

Холод.

Он начался с кончиков пальцев. Лея увидела, как её руки становятся голубоватыми, а потом — прозрачными. Сквозь фалангу большого пальца она увидела ножку стула.

«Я исчезаю», — мелькнула паническая мысль.

Воздух стал вязким. Из углов класса поползли серые тени Изнанки. Реальность истончалась. Кайден своим пренебрежением, своим «ты — мусор» нажал на ту самую кнопку, которая когда-то заставила её стать Бесцветной. Он подтвердил её главный страх: «Тебя нет. Ты не важна».

Вокруг шеи начало затягиваться плотное, мокрое Серое Одеяло. Оно душило, не давало вдохнуть. Лея чувствовала, как проваливается сквозь пол. Еще секунда — и она окажется Там. В Топи Ожиданий.

Вдруг кто-то коснулся её плеча.

Касание было легким, почти невесомым, но удивительно теплым.

— Дыши, — раздался тихий голос.

Лея моргнула. Мир качнулся и вернулся в фокус. Рядом с ней, присев на корточки, сидела Вера Фрост. «Невидимка». Та, кто боялась собственной тени.

Вера не смотрела на Кайдена. Она смотрела на Лею. Её обычно бледное лицо сейчас было сосредоточенным. Она аккуратно подняла грязную тетрадь Леи. Достала из кармана белоснежный платок (с вышитой незабудкой) и начала вытирать обложку.

— Это просто грязь, Лея, — прошептала Вера. — Грязь смывается. А то, что написано внутри... — она постучала пальцем по странице. — Это стереть нельзя. Ты здесь. Ты настоящая. Я тебя вижу.

«Я тебя вижу».

Серое Одеяло на шее Леи лопнуло и осыпалось пеплом. Руки снова стали розовыми, теплыми. Лея сделала глубокий вдох. Вера — та, кто всегда пряталась, — вышла из зоны комфорта, чтобы удержать её в реальности.

— Спасибо, — одними губами сказала Лея.

Кайден, наблюдавший за этим с первой парты, нахмурился. Его сценарий сломался. Жертва не разрыдалась и не убежала. Её спасла... другая жертва?

— Прекрасный пример, — голос Соломона прозвучал неожиданно громко.

Учитель стоял, опираясь на стол. Он видел всё.

— Садитесь, девочки.

Когда Лея и Вера вернулись на места, Соломон обвел класс взглядом.

— Сегодня мы говорим о любви. Но не о той, которую продают в кино за 5000 баллов. А о настоящей.

Он кивнул в сторону третьей парты ряда у окна. — Посмотрите на Бруно и Зою.

Все повернулись. Бруно Штарк, огромный, похожий на скалу, в этот момент аккуратно, стараясь не брызнуть соком, дочищал мандарин. Он разломил его на дольки, тщательно снял все белые прожилки (Зоя их ненавидела) и положил очищенные дольки на салфетку перед Зоей.

Зоя, погруженная в чтение исторического романа, даже не подняла головы. Она просто нащупала дольку рукой и съела.

Это было так естественно, так буднично.

— Видите? — тихо спросил Соломон. — Бруно не требует благодарности. Он не постит фото мандарина в «V-Life» с подписью «Я лучший парень». Он просто знает, что Зоя не любит белые прожилки. И он их убирает.

Соломон подошел ближе к ученикам. — Любовь — это не дорогие подарки, которые швыряют в лицо, как подачку. И не громкие слова. Любовь — это Бережная Забота. Это когда ты создаешь для другого человека безопасное пространство, где он может быть... уязвимым. И не бояться, что его ударят.

Он выразительно посмотрел на Кайдена. Тот сидел с каменным лицом, но Лея видела: его Зеркальная аура пошла рябью. Он не понимал. Для него забота была валютой. «Я тебе мандарин — ты мне лояльность». А Бруно... Бруно просто был.

Елена Мартинес, сидевшая на соседнем ряду, мечтательно вздохнула, подперев щеку рукой. Вокруг её головы закружились Пушистые Желтые Цыплята восторга. — Ох... Это так романтично! Я тоже хочу, чтобы мне чистили мандарины! Это же... как в сказке про Красавицу и Чудовище, только без чудовища!

Саша, который до этого мрачно чертил в тетради черные спирали (пытаясь заглушить свои кошмары), вдруг оживился. — Ленка, боюсь тебя расстроить, — хмыкнул он. — Но если я начну чистить тебе мандарины своими руками, это будет уже не романтика, а фильм ужасов «Атака цитрусового сока». Я тебе скорее глаз выколю, чем прожилку сниму.

Класс грохнул. Даже Зоя оторвалась от книги и улыбнулась. Напряжение, созданное Кайденом, рассыпалось.

— Но есть и другая сторона, — голос Соломона стал жестче. — Теневая сторона отношений.

Он нажал кнопку на пульте. На экране появилась проекция логотипа Теневых Граней (ТГ).

— Кто из вас писал анонимные гадости тому, кто вам нравится?

Тишина.

— Не поднимайте руки. Я знаю статистику. 60% подростков делают это. Мальчик дергает девочку за косичку. Взрослый пишет в ТГ: «Ты жирная», хотя сам тайком сохраняет её фото.

— Почему? — спросил Маркус Айрон. Его лицо скривилось, он потерял живот. — Это же нелогично. Если любишь — зачем делать больно?

— Потому что боль — это тоже контакт, — ответил Соломон. — Для некоторых людей, которые не умеют любить бережно... ударить — это единственный способ коснуться. Они думают: «Если я сделаю ей больно, она меня запомнит. Я стану значимым».

Лея посмотрела на затылок Кайдена. «Ударить — единственный способ коснуться». Именно это он делал с Далией. И с ней, Леей. Он унижал их, чтобы оставить след. Чтобы стать главным событием в их жизни, пусть даже знаком «минус».

— Это называется Кибер-Вампиризм, — продолжил Соломон. — Вы пьете чужие эмоции через экран. Но запомните: тот, кто бьет, всегда слабее того, кто умеет беречь. Скала сильнее молотка.

Звонок с урока прозвенел как освобождение.

Кайден встал первым. Он прошел мимо парты Леи, даже не взглянув на свою грязь на полу. Но Лея больше не чувствовала холода. Она посмотрела на Веру, которая тихонько убирала платок в карман. На Бруно, который стряхивал мандариновые корки в урну. На Сашу, который пытался жонглировать яблоками (безуспешно).

«У нас есть защита, — подумала она. — У нас есть то, чего нет у него. У нас есть мандарины без прожилок».

Она подняла свою тетрадь. Грязное пятно на обложке высохло. «Грязь смывается», — сказала Вера. И Лея знала: так и будет.

Теория Большого Стыда и Рыцарь в Вязаном Свитере

Класс 7-С. Большая перемена.

Напряжение после урока этики спало, сменившись привычным гулом. Ученики разбились на группы по интересам (или по неврозам).

В углу, у окна, происходила сцена, которая могла бы называться «Идиллия». Или «Скука», если вы — Джаспер Вонг.

Бруно Штарк сидел, вытянув свои длинные ноги, и держал в огромных ладонях книгу Зои. Сама Зоя стояла у него за спиной, заплетая ему крошечную, совершенно нелепую косичку на виске.

Джаспер, проходя мимо и подбрасывая монету, не удержался. — Эй, Скала! — фыркнул он. — Ты скоро начнешь мурлыкать? Смотри, а то Зоя наденет на тебя ошейник. Ты выглядишь как прирученный медведь.

Бруно даже не поднял глаз от страницы. Он был невозмутим, как гора. — Медведей не приручают, Джас, — спокойно ответил он басом. — С ними договариваются.

Но Зоя отреагировала мгновенно. Она вышла из-за спины Бруно — маленькая, хрупкая, в своих очках, которые вечно сползали на нос. Но в её глазах сейчас горел такой холодный огонь, что Джаспер поперхнулся смешком.

— Ты ничего не понимаешь в архитектуре, Вонг, — отчеканила она. — Бруно — это не «медведь». Это несущая конструкция.

Она положила руку на плечо Бруно. Легко, но уверенно. — Знаешь, почему готические соборы стоят веками? Потому что у них есть контрфорсы. Каменные опоры, которые держат

стены. Они не кричат о своей силе. Они просто держат. Если убрать Бруно — этот класс рухнет. И ты первый окажешься под завалами своих глупых шуток.

Она поправила воротник на рубашке Бруно — заботливо, как поправляют корону. — А я... я просто витраж. Без него я рассыплюсь. Так что завидуй молча, Джаспер. У тебя нет опоры. Ты висишь в воздухе.

Бруно улыбнулся. Это была не широкая улыбка, а едва заметное движение уголков губ. Он накрыл маленькую ладонь Зои своей огромной рукой. — Читай дальше, Зоя. Там про падение Рима.

Джаспер моргнул. Монета упала на пол, но он её не поднял. — Оу... — только и сказал он. — Жестко. Уважаю.

Лея, наблюдавшая за этим, улыбнулась. Это не было «подкаблучничеством». Это был симбиозон. Зоя давала Бруно смысл и голос, а Бруно давал Зое почву под ногами. Они были равны.

Но если у «старичков» всё было гармонично, то в другом углу класса разворачивалась настоящая катастрофа. Социальная.

Зона Интеллектуального Напряжения

Мира Коваль и Ричард Стерн сидели за одной партой. Между ними лежала стопка книг, которая служила то ли баррикадой, то ли мостом.

Они оба были красными. Не просто розовыми, а цвета свекольного сока, который смешали с томатной пастой.

— Ричард, — начала Мира, поправляя очки (в десятый раз за минуту). — Я провела анализ нашей коммуникации за последние две недели.

— И... каков результат? — голос Ричарда дал петуха. Он поспешно откашлялся. — Кхм. Какова статистическая погрешность?

— Погрешность минимальна, — Мира открыла блокнот. — Мы проводим вместе 48% свободного времени. Обмениваемся информацией со скоростью 120 слов в минуту. Наши нейрхимические реакции... — она запнулась. — Синхронизированы.

— Это... логично, — кивнул Ричард. Он вспотел. Он чувствовал, как по спине течет холодная струйка, хотя в классе было тепло. — Мы оба стремимся к оптимизации знаний.

Они замолчали. Тишина была такой плотной и неловкой, что её можно было резать ножом.

Лея, сидевшая неподалеку, закрыла лицо рукой. Ей было физически больно на это смотреть. Это был «испанский стыд» в чистом виде.

— Я... э-э... — Ричард полез в рюкзак. Его движения были дергаными, как у сломанного робота. — Я принес тебе... образец.

Он достал пластиковый контейнер. Внутри лежало что-то коричневое и бесформенное.

— Что это? — спросила Мира, склонившись над контейнером, как над чашкой Петри.

— Это... углеводная субстанция, обогащенная глюкозой и теоброминном, — торжественно произнес Ричард. — В просторечии — домашнее печенье. Я... я испек его. По рецепту бабушки.

Мира посмотрела на печенье. Потом на Ричарда. Её глаза за стеклами очков расширились. — Ты... термически обработал тесто ради меня?

— Я учитывал твои энергетические затраты, — быстро пробормотал Ричард, глядя в стену. — Твоему мозгу нужна глюкоза. Для эффективности. Это... рациональный вклад в нашу команду.

Мира осторожно взяла печенье. Оно было кривым, подгоревшим с одного боку. — Оно несимметричное, — заметила она.

Ричард побледнел. — Я... я могу переделать. Я нарушил температурный режим на 3 градуса...

— Нет! — Мира вдруг откусила кусок. Громко хрустнула. — Это... вносит элемент хаоса. Вкусно. Спасибо.

Она жевала, глядя на Ричарда. Ричард смотрел на то, как она жует, с таким выражением, будто она решала уравнение тысячелетия.

— У тебя... — Ричард поднял руку, его палец дрожал. — У тебя крошка. На эпидермисе. В районе губной комиссуры.

— Где? — Мира попыталась смахнуть крошку, но промахнулась.

— Позволь мне... — Ричард потянулся к её лицу.

Время остановилось. Весь класс (те, кто слышал) замер. Саша перестал жевать яблоко. Джаспер достал телефон, чтобы заснять исторический момент.

Рука Ричарда приближалась к лицу Миры со скоростью ленивца. Это было похоже на стыковку космических кораблей в замедленной съемке.

— Я... нарушаю личное пространство, — прошептал Ричард в панике. — Согласно протоколу, я должен получить вербальное согласие.

— Согласие... получено, — пискнула Мира. Она зажмурилась, как перед расстрелом.

Ричард коснулся уголка её губ. Смахнул крошку. Его палец задержался на секунду дольше, чем нужно. Их лица были в десяти сантиметрах друг от друга.

— Твоя кожа... — начал Ричард.

«Скажи, что она мягкая! — мысленно кричала Лея. — Скажи, что она красивая!»

— ...имеет повышенную температуру, — закончил Ричард. — Гиперемия. Возможно, аллергическая реакция на глютен?

Мира резко открыла глаза и отшатнулась. — Нет! Это... вегетативная реакция нервной системы! — выпалила она. — На... внешний раздражитель!

— Я раздражитель? — Ричард выглядел так, будто его ударили учебником физики.

— Ты... стимул! — Мира схватила свои книги и вскочила. — Мне нужно в библиотеку. Для... калибровки датчиков!

Она выбежала из класса, чуть не врезавшись в косяк.

Ричард остался сидеть с протянутой рукой и контейнером печенья. Он выглядел растерянным и несчастным. — Я неправильно рассчитал траекторию, — прошептал он. — Надо было использовать пинцет.

Саша упал головой на парту и застонал. — Боже... — простонал он в дерево. — Какие же они... гениальные идиоты.

— Это было больно, — согласился Джаспер, убирая телефон. — Я чуть не умер от кринжа. Но это было мило. В стиле «Восстание машин: Начало романтики».

Лея покачала головой, но улыбка не сходила с её лица. Да, это было неловко. Это было смешно. Но это было настоящим. Ричард пек печенье, высчитывая граммы, потому что хотел заботиться. Мира анализировала их время вместе, потому что для неё это было важнее любой формулы.

Они знали теорию всего на свете. Но в практике чувств они были первоклассниками. И это делало их самыми живыми людьми в этой комнате. Куда живее, чем идеальные, "кинематографичные" жесты Кайдена.

— Эй, Ричи! — крикнул Саша, поднимая голову. — Печенье осталось? Мне для... э-э... повышения когнитивных способностей.

Ричард посмотрел на друга. В его глазах за стеклами очков мелькнула надежда. — Конечно. Но учти, там повышенное содержание углеводов.

— Я рискну, — серьезно кивнул Саша. — Ради науки.

Класс 7-С, этот странный ковчег сломанных игрушек, продолжал жить. С неловкостью, со смехом, с мандаринами и формулами. И с каждым таким моментом они становились прочнее. Как бетон, который застывает, превращаясь в монолит.

Архивы Мертвых Слов и Кольцо Всевластия (почти)

Библиотека. 15 минут спустя.

Школьная библиотека была местом, где время умирало. В отличие от остальной школы, стерильной и пластиковой, здесь пахло пылью, старым клеем и той особенной тишиной, которая бывает только там, где хранятся миллионы слов, которые никто не читает.

Мира сидела в самом дальнем углу, в секции «Техническая документация 1990-2010». Она знала, что сюда не заходят даже уборщики-дроны.

Она пыталась успокоить дыхание. «Вдох на 4 счета, задержка на 4, выдох на 4. Квадратное дыхание. Снижение кортизола». Но перед глазами всё равно стояло лицо Ричарда и его рука, тянущаяся к её губам.

— Согласно протоколу, ты должна была уже успокоиться, — раздался тихий голос.

Мира подпрыгнула. Из-за стеллажа с энциклопедиями выглянул Ричард. Он выглядел виноватым, как побитый щенок, но в руках держал стопку книг, как щит.

— Я... я искала данные по термодинамике, — соврала Мира.

— В отделе гуманитарных наук? — Ричард поправил очки. — Это статистически маловероятно.

За его спиной появилась Лея. А за ней — Саша, который жевал уже второе яблоко (откуда он их брал?).

— Ребята, вы тут драму разводите или революцию планируете? — спросил Саша. — А то у меня перерыв в расписании шуток.

— Тише! — шикнула на него Даля.

Она выскользнула из тени стеллажа последней. Выглядела она нервно. Постоянно оглядывалась на дверь. — Кайден думает, что я в дамской комнате, поправляю макияж. У меня есть пять минут, прежде чем он начнет писать мне сообщения с вопросом «Ты где, моя королева?».

— Что на его языке означает «Вернись к ноге» — буркнул себе под нос Саша.

— Заткнись, Рыжий! — раздраженно прошептала Даля.

Они сдвинули столы в «слепой зоне» камер наблюдения.

— Зачем мы здесь? — спросила Лея. Она всё еще чувствовала отголоски холода после стычки с Кайденом, но здесь, среди друзей, Жар возвращался к норме.

— Ричард нашел кое-что, — сказала Мира, кивнув на книгу в руках Ричарда. — Пока вы... социализировались, мы работали.

Ричард положил на стол толстый, пыльный том. «Основы геологии и минералогии Новой Эры».

— Скука смертная, — зевнул Саша, откусывая яблоко. — Я заснул, пока читал название.

— Именно, — глаза Ричарда загорелись фанатичным блеском. — Эту книгу не открывали сорок лет. Но посмотрите на корешок.

Он поддел бумагу перочинным ножом. Обложка отслоилась, открывая тайник. Внутри лежал черный блокнот. Настоящий, бумажный, с запахом времени.

— Кто прячет бумагу в век цифры? — прошептала Лея.

— Тот, кто не хочет, чтобы его мысли прочитал алгоритм, — ответил Ричард.

Он открыл блокнот. — «Дневник Наблюдателя 4. Объект: Кристалл-Альфа. Год 0».

Они склонились над страницами. Почерк автора сначала был ровным, академическим, но с каждой страницей становился всё более рваным, словно пишущего била дрожь.

Запись 5: «Мы ошиблись в классификации. Это не просто минерал. Это губка. Он выглядит как мутный опал или кварц, внутри которого плавает туман. Он красив. Невероятно красив. Когда берешь его в руки, он теплеет. И ты чувствуешь... покой. словно мама обнимает

тебя после кошмара. Это не просто камень. Это дофаминовый генератор. Он дает тебе счастье в обмен на... что?»

— Дофамин, — прошептала Мира. — Гормон удовольствия.

— То есть, это наркотик? — уточнил Саша. — Все эти "Яркие", которые липнут к камням... они просто торчки?

Запись 12: «Мы поняли механизм. Контакт с Люмоситом вызывает мгновенный выброс эндорфинов. Страх уходит. Боль уходит. Остается только "Сияние". Люди не понимают, что происходит. Они думают, это магия успеха. Они хотят касаться его снова и снова. Но камень не генерирует энергию. Он забирает её. После контакта испытуемые чувствуют усталость, но они счастливы. Они называют это "Священным утомлением". Идиоты. Их просто выпили».

Лея потеряла руки. Ей стало холодно. — Они не знают, — сказала она. — Люди на площади, в школе... они думают, что тест — это праздник. А это забор крови.

Запись 35: «Кольца. Совет утвердил проект "Ошейник". Но они назвали это "Знак Отличия". Только для Топ-100. Только для Эмберов. Кольцо из чистого Люмосита с микроиглой внутри. Оно подключается к вене. Оно считывает состав крови в реальном времени. Адреналин, кортизол... Если Эмбер теряет контроль, если он боится или злится — камень меняет цвет. Он мутнеет. И кольцо впрыскивает подавитель. Или причиняет боль».

Ричард перевернул страницу. Его пальцы дрожали.

Запись 38: «Это гениальная ловушка. Эмберы будут драться за право носить эти кандалы. Они будут думать, что это символ власти. Чтобы кольцо сияло Золотом, ты должен быть либо совершенным роботом, контролирующим каждый удар сердца... либо идиотом, который вообще ничего не чувствует. Пустышкой. Только они выживут. Остальные сгорят за пару лет».

— Родители Кайдена, — вдруг сказала Мира. — Кристиан Росс. Вы видели его кольцо?

— Огромное, — кивнул Саша. — Как булыжник.

— Оно иногда мигает, — вспомнила Лея. — Я видела. Когда он злится, по камню идут темные прожилки. И он сразу дергает рукой, как будто обжегся.

— Его бьет током, — констатировал Ричард. — Или химией. Чтобы он улыбался.

— А родители Вайсов? — спросил Саша. — У них кольца всегда идеально белые или золотые.

— Потому что Вайсы — это "совершенные роботы", — тихо сказала Мира. — Статистически, их самоконтроль за гранью человеческого. Они не подавляют эмоции, они их... архивируют. А отец Кайдена — он просто "хочет быть" Эмбером. Он на грани.

— А как же остальные? — спросил Саша. — Я видел кольца у ребят из 7-А. У Эрики есть похожее.

— Фейк, — фыркнул Ричард, показывая на следующую строчку в дневнике.

Запись 41: «Черный рынок уже отреагировал. Появились подделки. Обычный пластик с диодами или крошкой Люмосита. Люди покупают их за бешеные деньги, чтобы быть похожими на Эмберов. Они надевают фальшивые ошейники, чтобы выглядеть как рабы высшего класса. Какая ирония».

— Они носят подделки, чтобы казаться крутыми, — усмехнулся Саша. — Господи, этот мир безнадежен. Они имитируют рабство.

— Потому что для них это не рабство, — сказала Лея. — Для них это "Успех".

Она посмотрела на последнюю запись. Чернила там были размазаны, словно автор писал в темноте и спешке.

Запись 49 : «Элиас говорит, что это прорыв. Что мы можем лечить депрессию, забирая лишнюю грусть. Но куда она девается? Камень — это не просто аккумулятор. Это сервер. Он не просто ест эмоции. Он запоминает их. Я видел тени внутри кристалла. Они не исчезают. Эмоции строят что-то... Там, на другой стороне. Город из боли. И этот город хочет кушать».

Они пришли за мной. Я слышу шаги. Если вы это читаете — не касайтесь Чистого Кристалла. Он не отражает вас. Он копирует вас. И однажды копия придет, чтобы забрать оригинал».

Запись обрывалась.

В библиотеке повисла тишина. Тяжелая, пыльная тишина.

— «Город из боли», — повторила Лея. — Он говорит про Изнанку. Про Теневой мир.

— И про то, что Люмосит — это не камень, — добавил Саша. — Это... паразит.

— А кольца... — Далия посмотрела на свою дрожащую руку. — Кайдэн хочет такое кольцо. Он мечтает о нем. Он говорит, что это символ "Настоящего Эмбера". Он хочет надеть на себя... поводок?

— Он не знает, — тихо сказала Мира. — Статистически, информация засекречена высшим уровнем доступа. Даже Эмберы могут не знать всей правды. Они думают, что это магия власти. А это...

— Кандалы, — закончил Ричард. — Высокотехнологичные, престижные кандалы.

Вдруг телефон Далии вибрировал так громко, что все подпрыгнули. На экране высветилось сообщение от Кайдэна: «Ты слишком долго пудришь носик, Королева. Я начинаю скучать. А когда я скучаю, я становлюсь... непредсказуемым. Жду у входа».

Далия побледнела. — Мне пора. Если он заподозрит...

— Иди, — Лея сжала её руку. — Но помни: то, что он носит... и то, что он хочет... это не сила. Это ловушка.

Далия кивнула и выбежала из библиотеки, стуча каблуками.

— "Копия придет забрать оригинал", — повторила Лея.

— А если... — начал Саша, и его голос дрогнул. — Если этот "Наблюдатель" прав... И камень всё запомнил... То что он запомнил о нас, когда мы устроили тот взрыв?

Ричард захлопнул книгу и судорожно запихнул блокнот обратно в тайник. — Он запомнил наш код, — сказала Мира, поправляя очки. Руки у неё были холодными. — Статистически, мы для Системы — вирус.

— А для вируса нужен антивирус, — закончила Лея.

— Думаю, он запомнил нас как вирус, — сказал Ричард, поправляя очки. — И теперь у антивируса есть лицо.

— Лицо Пожирателя, — закончила Лея.

Вдруг в кармане у Саши звякнул телефон. Он подпрыгнул. — Это от бабушки. "Котлеты стыннут, рейтинг падает". Пора валить.

Они вышли из библиотеки, стараясь не шуметь. Но Лея задержалась на пороге. Она оглянулась на полку, где стояла книга. Ей показалось, что в темном углу, там, где не было света, воздух сгустился в плотную серую фигуру.

Пожиратель. Или просто тень от стеллажа?

— Лея! — позвал Саша.

— Иду.

Она вышла в коридор, залитый искусственным светом "Яркой Жизни". Теперь она знала правду. Эмберы — не боги. Они зависимые на золотой цепи. А Люмосит — это не свет. Это глаз, который никогда не моргает. И он уже заметил их.

Лея посмотрела на свою руку. Ту самую, которой касалась камня. Ей показалось, что под кожей, глубоко внутри, пульсирует что-то темное. Память. Камень запомнил её. И он будет ждать встречи.

САКУРА СО ВКУСОМ АЛЮМИНИЯ

Они вывалились на улицу, как глубоководные рыбы, которых резко выдернули на поверхность. Давление реальности ударило по ушам.

После затхлого, пыльного воздуха библиотеки, пропитанного запахом старой бумаги и страха, вечерний Лонглайн казался галлюцинацией. Город готовился к «Сезону Цветения».

Над головами, прямо в свинцовом декабрьском небе, висели голограммы. Огромные, неестественно розовые ветки сакуры. Они осыпались цифровыми лепестками, которые таяли, не долетая до грязного асфальта.

— Красиво, — прошептала Мира, по инерции задирая голову. — Это проекция, — буркнул Саша, натягивая шарф на нос. — Причем дешевая. У неё частота обновления кадров низкая, видите? Лепестки дергаются.

Лея посмотрела на неоновую вывеску кофейни напротив: «ВЫПЕЙ СИЯНИЕ! ЛАТТЕ С ЗОЛОТОЙ КРОШКОЙ +10 К РЕЙТИНГУ». Раньше она видела просто глупую рекламу. Теперь, после того, что они прочитали в дневнике Наблюдателя, она видела другое. Она видела шприц. Весь город был одной гигантской капельницей.

— Мы не можем просто пойти домой, — сказал Ричард. Он нервно сжимал лямку рюкзака, где лежал украденный дневник. — Если этот «камень-сервер» действительно нас запомнил... — То мы уже помечены, — закончила за него Лея. — Но мы не можем стоять тут. Камеры.

Она кивнула на столб. Объектив камеры, украшенный пластиковым цветком, медленно поворачивался в их сторону. — Ведите себя естественно, — сквозь зубы процедила Лея. — Саша, расскажи шутку. — Э-э... — Саша растерялся. — Колобок повесился? Нет, это слишком мрачно для моего рейтинга... А! Знаете, почему у Пожирателей нет аккаунтов в «V-Life»? — Почему? — механически спросила Мира, поправляя очки. — Потому что они не отражаются в фильтрах!

Никто не засмеялся. Но камера, просканировав их лица (и, видимо, зафиксировав «попытку социальной коммуникации»), мигнула зеленым и отвернулась.

— Работает, — выдохнул Саша. — Слушайте, мне правда пора. Бабушка Роза написала, что если я не приду через десять минут, она выложит мое детское фото в ванночке. С хэштегом #МойМаленькийСморчок. Это социальное самоубийство.

— Иди, — кивнула Лея. — Ричард, проводи Миру. Этот дневник... спрячь его так, чтобы даже ты забыл, где он. — Я положу его в коробку из-под набора «Юный Химик», — серьезно сказал Ричард. — Туда мама никогда не заглядывает, она боится, что я взорву дом. — Логично, — уголок губ Миры дрогнул. — Ричард? — Да? — Спасибо. За... ну. За всё.

Они неловко замерли. Лея видела, как между ними натянулась тонкая, полупрозрачная нить. Не красная, как влюбленность, а нежно-голубая. Цвет доверия. В мире, где все лгут ради лайков, эта нить стоила дороже любого Люмосита.

ЭФФЕКТ ПЕРЕМЕННОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Они стояли на продуваемом ветром перекрестке, глядя, как розовые голограммы сакуры мигают в небе. Ричард пытался вызвать такси, но сеть была перегружена — все ехали в центр на открытие сезона.

Мира достала из рюкзака старую, потрепанную книгу в твердой обложке. Она нашла её в библиотеке рядом с дневником, но взяла «для прикрытия». Название было скучное: «Поведенческая психология: Эксперименты 20-го века».

— Знаешь, почему игровые автоматы вызывают зависимость быстрее, чем героин? — вдруг спросила она, не отрываясь от страницы. Лея поежилась, пряча нос в шарф: — Потому что там яркие картинки? — Нет. Из-за «Переменного подкрепления».

Мира поправила очки и зачитала вслух, подсвечивая текст экраном телефона: «...Если крыса нажимает на рычаг и получает еду каждый раз — ей быстро надоедает. Она сыта и спокойна. Если она нажимает и никогда не получает еду — она перестает нажимать через пять минут. Но если она получает еду непредсказуемо — один раз из десяти, потом три раза подряд,

потом тишина на сутки... Крыса сходит с ума. Она будет долбить этот рычаг, пока не умрет от истощения. Она не ест, не спит. Она ждет чуда».

— Жестоко, — заметил Ричард, глядя на экран такси. — Но зачем ты это читаешь? — Тут написано, что это работало не только с крысами, — Мира захлопнула книгу. — Это работало в сектах. Лидер сначала давал много любви («бомбардировка любовью»), а потом начинал «холодный душ». Жертва думала: «Я что-то сделала не так. Я должна стараться лучше, чтобы вернуть то тепло». И чем хуже с ней обращались, тем преданнее она становилась.

Лея посмотрела на темные окна верхних этажей, где жили Эмберы. — Надеюсь, среди нас нет крыс, — тихо сказала она. — И рычагов.

— Всё, разбегаемся, — скомандовала она. — И помните: мы — обычные подростки. Мы любим школу, хотим высокий рейтинг и мечтаем о новых кроссовках. Улыбаемся и машем.

Все стали расходиться. Лея смотрела им вслед. Саша побежал к остановке, смешно скользя по наледи. Ричард и Мира пошли рядом, такси вызвать не получилось и они решили прогуляться, соблюдая «пионерскую дистанцию» в полметра, но их локти то и дело соприкасались.

Лея осталась одна. Она глубоко вдохнула. Воздух пах озоном, выхлопными газами и сладкой химической отдушкой «Весенняя Свежесть», которую распыляли дроны. В кармане вибрировал телефон. Не мама. Уведомление из общего чата класса.

Далия: «Ребята, всё ок. Я занята подготовкой к конкурсу».

Лея прикрыла глаза. Она видела эмоции даже через текст. Сообщение было серым. Цвет безнадежности. И, что самое страшное, вокруг букв висала тонкая, едва заметная зеленая лоза. Ложь.

КОМНАТА ДАЛИИ. ВЕЧЕР ТОГО ЖЕ ДНЯ.

Далия Вейн не чувствовала себя крысой. Она чувствовала себя принцессой, которая только что вернулась с бала, пусть и немного уставшей.

В её комнате царил идеальный порядок. На столе стояла кольцевая лампа — «глаз», который делал кожу фарфоровой. Кайден проводил её до подъезда. Он не зашел, сославшись на дела отца, но на прощание коснулся её щеки и сказал: «Ты единственная, кто светится сама по себе, без Люмосита». От этих слов у неё внутри всё пело. Он ценит её. Он просто сложный, глубокий. Гений, которого никто не понимает.

Она включила трансляцию. Статус: «Готовлюсь к конкурсу! ##* #V1Life #NoFilter».

— Всем привет, мои хорошие! — Далия улыбнулась в камеру. Улыбка была отработана годами: уголки губ вверх, глаза чуть прищурены, создавая эффект искренности. — Многие спрашивают, как я восстанавливаюсь после тренировок и школы. Вы видите меня на сцене с макияжем, но кожа должна дышать.

Она взяла флакон с гидрофильным маслом. — Ловите секрет, которому меня научила мама. Когда у вас стресс, лицо отекает. Кортизол задерживает воду. Мы превращаемся в шариков. Чтобы вернуть скулы и четкий овал, не нужны уколы. Нужны ваши руки.

[Бьюти-интеграция: Лимфодренаж «Угол Молодости»] Далия показала на себе:

Сложила пальцы в «крючки» (указательный и средний согнуты).

Поставила их на центр подбородка, захватывая кость челюсти.

С сильным, но приятным нажатием провела «крючками» вверх к ушам. — Ведем плотно, — комментировала она, глядя в зеркало смартфона. — Выгоняем всю лишнюю воду, весь негатив. Доводим до ушей и спускаем вниз по шее, к ключицам. Вот так. Раз, два, три. Это больновато, если мышцы зажаты. Но посмотрите на разницу.

Она повернулась профилем. Овал лица действительно стал четче, словно выточенным. — Лицо — это ваша визитка. Если вы держите лицо в тонусе, никто не увидит, что у вас внутри буря.

«Какая буря? У меня всё хорошо», — одернула она себя мысленно. — «Кайден меня любит. Мы команда».

Комментарии летели вверх: «Вау, попробовала, реально работает!» «Далия, ты богиня!» «А правда, что вы с Россом расстались? Видели его машину у клуба».

Далия замерла. Сердце пропустило удар. Она проигнорировала комментарий и завершила эфир: — Люблю вас! Сияйте!

Экран погас. Улыбка сползла с её лица мгновенно, как маска. Она схватила телефон. Открыла чат с Кайденом. Последний раз он был в сети 15 минут назад.

Она набрала: «Спасибо, что проводил. Спокойной ночи ♥#» Сообщение доставлено. Прочитано. Тишина.

Она ждала минуту. Две. Пять. Почему он не отвечает? Он же только что был таким милым. Может, она что-то не то сказала на прощание? Может, у неё помада размазалась?

«Не будь навязчивой. Мужчины не любят липучек», — прозвучал в голове голос из какого-то женского журнала.

Телефон звякнул. Далия схватила его так быстро, что чуть не уронила.

Кайден: «Прости меня. За всё».

И всё.

У Далии похолодели руки. Что это значит? «Прости» — это прощание? Он что-то сделает с собой? Или он решил бросить её, потому что его отец надавил? Или он в беде?

— Кайден? — написала она дрожащими пальцами. — Что случилось? Тишина. — Ты где? Возьми трубку! Звонок. Гудки. Длинные, равнодушные гудки. «Абонент временно недоступен».

Паника накрыла её ледяной волной. Она забыла про гордость, про советы «не бегать». В воображении рисовались страшные картины: Кайден один, в темноте, ему больно от кольца, он разбит, а она тут сидит и делает массаж лица. Какая же она эгоистка!

«Я должна его спасти. Только я могу».

Далия сорвала с вешалки худи. Наплевать, что уже поздно. Наплевать, что отец может проверить комнату. Она вызвала такси «Бизнес-класса» (на последние деньги с карты, привязанной к счету отца, надеясь, что он не заметит уведомление ночью). Адрес: Верхний Город. Золотой Шпиль. Пентхаус Россов.

Она выбежала из дома, чувствуя себя героиней романтического фильма. Она едет спасать любимого. Она не знала, что в этот момент Мира переворачивала страницы, где была та самая лабораторная крыса, которая со всех ног бежит к рычагу, потому что ученый перестал давать еду.

КВАНТОВАЯ СУПЕРПОЗИЦИЯ УЮТА

В квартире Новаков пахло не дорогим парфюмом, а жареной картошкой с грибами и полиролью для мебели. Запах был густой, настоящий, «V2-стайл», как шутил Саша, но сейчас он стоил дороже любого аромата из Верхнего Города.

На кухне горел теплый желтый свет. Саша сидел на корточках перед старой табуреткой. У неё шаталась ножка. Для обычного человека это была просто сломанная мебель. Для Саши это был калейдоскоп катастроф.

Он моргнул — и реальность расслоилась.

Вариант А: Он просто прикручивает ножку. Через два дня мама встает на табуретку, чтобы достать лекарства с верхней полки, ножка подламывается, мама падает. Вывих лодыжки. Минус смена. Минус рейтинг.

Вариант Б: Он заливает всё клеем «Момент». Клей высыхает, но токсичный запах вызывает у бабушки мигрень. Прямой эфир сорван. Бабушка в ярости.

Вариант В: Он берет старый кожаный ремень, вырезает прокладку, укрепляет стык и затягивает шуруп под углом 45 градусов. Табуретка выдержит даже падение метеорита.

Саша тряхнул головой, отгоняя плохие варианты. Картинки погасли. — Вариант «В», — прошептал он. — Выбираем жизнь.

Он ловко, профессиональными движениями (откуда у 13-летнего парня навыки столяра 4-го разряда? Жизнь научила) вырезал кусочек кожи, подложил под ножку и затянул винт. Табуретка перестала скрипеть. Она стала монолитом. Саша проверил её на прочность, сев сверху. Идеально. Мама будет в безопасности, даже не узнав, что ей грозило.

Он взглянул на часы. 19:40. Маме вставать через двадцать минут. Ночная смена в госпитале. Саша бесшумно, как ниндзя в носках, прокрался в прихожую.

Там стояли мамины туфли. Белые медицинские "кроксы", которые от старости и реактивов стали серыми. На носке — темное пятно (кровь? йод?). Саша взял их. Тихо, чтобы не звякнуть, достал из ящика свою секретную «аптечку для обуви»: зубную пасту, старую щетку и меламиновую губку.

Он сел прямо на пол. — Ну что, ребята, — шепнул он ботинкам. — Сейчас мы сделаем вам пластическую операцию. Он тер усердно, но аккуратно. Пятно исчезало. Серость сменялась белизной. Саша не считал это «женской работой». Он считал это работой Мужчины. В его понимании (которое сформировалось вопреки отцу, сбежавшему, когда стало трудно), мужчина — это не тот, кто стучит кулаком по столу. Мужчина — это тот, кто делает так, чтобы женщинам в его доме было легче ходить. Чтобы мама, надевая эти туфли, почувствовала не усталость, а... свежесть. Маленькую капельку заботы, которая поможет ей пережить 12 часов ада в приемном покое.

— Опять партизанишь? — раздался голос сверху. Саша вздрогнул, но щетку не выронил. В дверях кухни стояла Роза Марковна. Без камеры. Без фильтров. В халате с драконами и в бигуди. Она смотрела на него не как блогер-миллионник, а как бабушка. В её глазах плескалась такая теплота, что можно было греть руки.

— Тише, ба, — шикнул Саша. — Разбудишь. — Я тише воды, ниже плинтуса, — прошептала бабушка, опираясь о косяк. — Ты молодец, Сашка. Дед бы гордился. У него тоже руки были золотые, хоть и росли из... характера.

Она присела на пуфик рядом. — Слушай, я тут краем уха слышала, о чем вы там в школе говорили. Про "игнорирование". Штольц этот ваш умный мужик, конечно. "Не кормите троллей", все дела. — Ну да, — Саша дополировывал второй башмак. — Он говорит, если собака лает, не надо лаять в ответ. — Ага, — Роза Марковна поправила бигуди. — Красиво. В теории. А на практике, Сашенька, есть нюанс.

Она понизила голос, словно рассказывала страшную тайну. — Помнишь тетю Клару со второго этажа? У которой пудель Артемон? — Ну? — Саша напрягся. Тетя Клара была местной сумасшедшей, которая верила, что дроны воруют её мысли. — Так вот. Ей в "Теневых Гранях" начал писать один... ухажер. Сначала просто гадости: "Ты старая, пудель твой — крыса". Клара, как умная женщина, игнорировала. Молчала. Думала — тролль, сам отвалится. Бабушка сделала паузу. — А он не отвалился. Он перешел от слов к делу. Начал под дверью стоять. Потом замок клеем залил. Клара всё "игнорировала", боялась скандала. А потом он ей окно разбил кирпичом. Ночью. — Жесть, — выдохнул Саша. — Вот тебе и жесть. Хорошо, что я услышала звон. Вышла с той самой скалкой, ну ты знаешь, и так рявкнула, что у него, по-моему, энурез случился на месте. Вызвали Патруль, его забрали.

Роза Марковна положила руку на колено внуку. — Я к чему, Саша. Игнорировать можно дураков. А если ты чувствуешь, что там не дурак, а... хищник. Если у тебя внутри вот тут, — она ткнула себя в солнечное сплетение, — холодеет... Не смей молчать. Не смей быть "выше этого". Бей в набат. Кричи. Зови меня со скалкой. Потому что есть зло, которое от молчания только наглеет. Оно думает, что ты слабый, раз молчишь.

Саша замер с белым ботинком в руке. Он вспомнил Далию. Её взгляд сегодня на химии. Как она сжалась, когда Кайдэн на неё посмотрел. Она ведь тоже "игнорирует". Думает, что если будет хорошей, если промолчит, он успокоится. — А если жертва... сама идет к хищнику? — тихо спросил Саша. — Думает, что это любовь? Бабушка тяжело вздохнула. — Ох, Сашка... Это самое страшное. Это называется "Синдром мотылька". Чем горячее лампа, тем сильнее хочется обжечься. Тут скалкой не поможешь. Тут надо ждать, пока мотылек сам поймет, что крылья дымятся. Главное — чтобы рядом был кто-то, кто поймает, когда он упадет. Будь тем, кто поймает, Саша. Но не лезь в огонь вместе с ним. Сгорите оба.

В прихожей скрипнула дверь спальни. Саша мгновенно, одним движением (как фокусник!) сунул щетки в ящик и поставил идеально белые туфли на коврик, носками к выходу. Вышла мама. Анна. Она зевала, потирая глаза. Вид у неё был помятый, но домашний. — Доброе утро... то есть вечер, — пробормотала она. — Ох, опять опаздываю. Где мои... Она посмотрела вниз. И замерла. Туфли стояли, сияя белизной, как будто их только что принесли из магазина. Анна подняла глаза на сына. Саша сидел на пуфике и увлеченно листал ленту в телефоне, делая вид, что он тут вообще ни при чем. — Саша... — голос мамы дрогнул. — Что? — он поднял голову, изображая удивление. — А, туфли? Это нано-технологии, мам. Самоочищающийся полимер. Я читал, такое бывает при высокой влажности. Анна улыбнулась. Усталость с её лица как рукой сняло. Она подошла, наклонилась и поцеловала его в рыжую макушку. — Спасибо тебе, мой нано-технолог. Ты лучший мужчина в мире. — Я знаю, — буркнул Саша, краснея. — Иди уже, опоздаешь. Рейтинг сам себя не заработает.

Когда мама ушла, а бабушка вернулась на кухню ("У меня там тесто подходит, надо с ним поговорить"), Саша остался в прихожей один. Ему было тепло. Он починил табуретку. Он почистил обувь. Он защитил свой маленький мир.

Он подошел к зеркалу в прихожей. Обычное зеркало. Немного пыльное в углу. Саша посмотрел на свое отражение. Рыжий, нос картошкой, уши торчат. Ничего героического. И вдруг... Отражение моргнуло. Саша отшатнулся. Он точно не моргал! Он присмотрелся. В глубине зеркала, за его левым плечом, на долю секунды мелькнула Тень. Не бесформенная, а четкая. Силуэт в капюшоне. Она стояла там, в зазеркалье, в точно такой же прихожей, и смотрела на него. И Саша почувствовал — не увидел, а именно почувствовал кожей — что Тень улыбается. Не злобно. А... с узнаванием.

— Лекс? — одними губами спросил Саша. Тень исчезла. Зеркало снова стало просто стеклом. Но Саша знал: он не сошел с ума. За его уютным мирком, где пахнет картошкой и любят мам, кто-то наблюдает. Кто-то очень родной. И очень одинокий.

А за окном, на карнизе, невидимая для человеческого глаза, сидела маленькая черная сущность, похожая на сгусток дыма. Она видела всё: и табуретку, и чистые туфли, и Тень в зеркале. Сущность записала данные в невидимый блокнот: «Объект: Хаос. Уровень эмпатии: Критический. Связь с Изнанкой: Активная. Угроза Системе: Высокая. Рекомендация: Продолжать наблюдение». Сущность растворилась в ночи, полетев в сторону Золотого Шпиля. Туда, где сейчас Далия входила в клетку к тигру, думая, что идет на свидание.

БЕЛАЯ КОМНАТА И НЕВИДИМЫЕ ГИРИ

Средний Город. Сектор М-2. Квартира Марии и Эрики Подр.

Квартира была идеальной. Слишком идеальной для того, кто привык к полумраку подвалов 7-С или к фальшивому блеску Верхнего Города. Это была «двушка» в новом доме — подарок родителей Марии, которые пытались спасти дочь после развода. Стиль — неоклассика с элементами «умного дома». Натуральный дубовый паркет (теплый, живой). Стены цвета топленого молока. Много света. Вся техника была белой, сенсорной, бесшумной.

Мария, мама Эрики, хотела, чтобы здесь было светло. Она прожила четырнадцать лет с Юлианом в темноте его настроений, и теперь у неё была физическая потребность в белом цвете.

Но свет не помогал. В квартире пахло валерьянкой и дорогим ароматизатором «Хлопок», который не мог перебить запах тревоги.

Мария сидела на кухне за белым круглым столом. Ей было всего 36, но выглядела она так, словно её выпили через трубочку. Красивое, круглое лицо было серым. Плечи опущены. Перед ней стоял ноутбук. Она не сводила дебет с кредитом. Она писала. На экране мигал курсор: «Она поняла, что клетка была открыта все эти годы. Нужно было просто расправить крылья...»

Это была её книга. Её терапия. Её способ не сойти с ума после того, как Юлиан вытер об неё ноги.

Дверь хлопнула так, что умные датчики света испуганно мигнули. Вошла Эрика.

Ей было 14, но выглядела она на 20. Идеальный макияж, юбка короче, чем совесть её отца, и взгляд, которым можно резать стекло. Она швырнула рюкзак (бренд, купленный Марией на последние сбережения) на дубовый пол.

— Ты опять дома? — спросила Эрика, даже не поздоровавшись. — В школе говорят, что у нормальных матерей есть карьера. А у меня мать — предмет интерьера.

Мария вздрогнула, поспешно сворачивая окно с текстом. — Привет, — тихо сказала она. — Как школа?

Эрика подошла к столу. Она взяла любимую кружку Марии (белую, с тонким ободком), отпила остывший чай, поморщилась и поставила её обратно — прямо на стопку распечатанных черновиков, оставив мокрый след. Это был жест хозяйки. Жест, который говорил: «Твое место — у плинтуса. А всё здесь — моё».

— Опять строчишь свою макулатуру? — фыркнула Эрика, кивнув на ноутбук. — Мам, серьезно. Кому это нужно? Никто сейчас не читает книги. Все смотрят «V-Life». Ты тратишь время на ерунду, вместо того чтобы найти нормальную работу. — Это не ерунда, — голос Марии дрогнул, но она выпрямилась. — Это важно для меня. — Важно? — Эрика рассмеялась. Зло, звонко. — Важно — это когда ты приносишь деньги. Ты обязана меня содержать. По закону. А ты сидишь и фантазируешь.

Папа вчера закрыл сделку на миллион. Он написал в «V-Life». Он Король. А мы живем в этой... богадельне.

Эрика не знала правду. Она не знала, что «сделка на миллион» — это ложь для подписчиков. Что Юлиан просил отсрочку по кредиту у отца Кайдена. Она видела только фасад.

— Папа... — начала Мария, и её голос дрогнул. — Папа живет своей жизнью. Умойся, я положу тебе ужин. — Я не голодна. Меня тошнит от твоей "заботы". Эрика захлопнула холодильник ногой.

Лея, если бы она была здесь, увидела бы страшную картину. Над Марией висело огромное, тяжелое Черное Облако. Это было Выгорание. А Эрика... Эрика была похожа на ежа, у которого иголки растут внутрь. На её плече сидел скорпион, который нашептывал: «Бей её. Бей сильнее. Если ты будешь доброй, ты станешь такой же тряпкой, как она. Папа любит сильных».

ВОСПОМИНАНИЕ: МАШИНА, КОТОРОЙ ОН РУЛИЛ

(Флэшбек. Эрике 10 лет)

Эрика вспомнила, почему она считает мать «бесполезной». Они ехали в машине. Это был шикарный серебристый седан. За рулем сидел Юлиан. Он вел машину одной рукой, вальяжно, чувствуя себя хозяином жизни. Окна открыты, музыка играет. Он — Король Дороги.

Мария сидела рядом, сжавшись в кресле. Эрика знала (или чувствовала, но блокировала это знание), что машину подарили родители Марии. У мамы не было прав, и она боялась водить. Юлиан сел за руль в первый же день и сказал: «Ну, детка, теперь я буду тебя возить. Ты же у меня принцесса, тебе не надо напрягаться». Тогда это звучало как забота. Теперь это выглядело как захват.

— Пап! — захныкала Эрика с заднего сиденья. — Меня в школе мальчик толкнул. Сильно! Юлиан посмотрел в зеркало заднего вида. — А ты что? — Я заплакала. — Ну и дура, — бросил он легко. — Надо было дать сдачи. Подошла и врезала промеж глаз. Ты же моя дочь. Хищница! — Юлиан! — ахнула Мария. — Чему ты учишь ребенка? Нельзя драться. Эрика, надо подойти к учителю. Рассказать директору. Решать конфликты цивилизованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.